

Иван Дроздов

ШАХТЕРСКАЯ ДИНАСТИЯ

1

Ох, как не хотелось быть Егору Лучкину дверовым! Стоишь день-деньской у нее, проклятой, и нет тебе ни отдыха, ни покоя. Чуть зазевался - тебе кричат: «Эй-ей, хлопчик!.. Отпирай дверь, негодник! Не видишь, кони идут?..» И если коногон недобрый, то пустит еще трехэтажным, но, слава богу, народ в шахте понятливый и душевный. Редко какой заругает (все больше кричат для устрашения), а подведет к двери коней да вагонетки с углем и кивнет улыбочиво: знай мол, наших, не зевай.

Страсть как хочется пройти по штрекам, посмотреть, что такое квершлаг. Непонятное слово, таинственное. «Ни в жисть» не слышал таких Егорушка в деревне. И не подозревал, что есть на свете такое интересно слово: «квершлаг!» А еще Егору хотелось бы побывать в лаве—там, где уголек рубят. В лаве работают люди особенные: сильные, гордые. Гордость у них на лице написана. Когда горняк идет из лавы, Егор сразу видит, что это — забойщик. У него и походка неторопливая и разговор внушительный. Скажет слово — рубль подарит. «Очистники» себе цену знают. Как-никак, в забое трудятся, на переднем крае. Это у них там все приключения бывают. В забое и Шубин живет — страшный хозяин подземелья. Редко-редко Шубин в штрек заглянет или в квершлаг обвал учинит, а то все больше в лаве сидит и шахтеров пугает. Ничего так Егор не любит, как рассказы о Шубине. Чуть назовет таинственного домового проходящий мимо двери шахтер, а Егор и уши развесит. Что там еще Шубин натворил?..

Дни в шахте летят быстро. Вот уже одну полочку получил, вот вторую. Дверь научился одним ловким толчком отворять. И затворял быстро, так, чтобы воздух со ствола поступал на участки. Горняки заметили старания дворового, проходя мимо, кивали Егору, иные говорили «здравствуй!», иные приветливо взглядывали на парня, а ему и хорошо: чужая душа, что пришелся по сердцу горнякам. Только вот по-прежнему скучал Егор Лучкин у двери. Тянула его шахта в свои лабиринты, манил в лаву уголек.

Два или три раза в смену виделся со своим дядей, братом отца Емельяном Тихоновичем. Дядя наставлял: «Не зевай, Егорка. Шахта не любит ротозеев». И в раскрытую племянником дверь провозил на лошадях крепезный лес. Иногда ничего не говорил и не здоровался, а погонял замешкавшихся лошадей и тотчас же скрывался в темноте штрека.

Дядя Емельян давно работал на шахте; еще задолго до германской войны ушел он из деревни да так и прижился в Донбассе. В 1911 году приезжал на похороны брата Афанасия — отца Егорова; уже тогда осиротевшим племянникам сказал: «Взял бы вас на шахту, да малы вы. Уголь не любит слабосильных». Помог овдовевшей Марфе Михайловне по хозяйству и снова вернулся на шахту. А как подрос Егор, так в следующее посещение родной деревни взял его Емельян к себе на шахту. Так что теперь Емельян Тихонович и отец Егору, и наставник, и единственный близкий человек в новой жизни. Правда, есть и еще одна, почти родная душа — односельчанин Иван Михеев, да вот беда: редко видит его Егор Лучкин. Мелькнет Иван с вагонетками леса, точно солнцем осветит, и нет его до самого вечера. А вечером встретятся в поселке. Да и то в укромном уголке: на свет Егору показываться не в чем. Штаны его истрепались так, что на них живого места нет. Рубаха самотканая, короткая, неотмытый пуп от угольной пыли светится. Засмеют девки деревенского парня.

Как-то Иван поправлял возле двери колесо вагонетки. Между делом притянул за рукав Егора, заговорщицки сообщил: «Хочешь посмотреть шахту?» Как не хочется посмотреть шахту! Егор обрадованно закивал головой. «Тогда идем, покажу ходок».

Отошли от двери метров десять. Посвечивая фонарем, Иван показал под ногами черную дыру:

—Здесь вход в лаву.

—В лаву? — переспросил Егор.

—Да не шуми ты, дуралей! В лаву, говорят, значит, в лаву. Вот здесь, где мы стоим, — вентиляционный штрек, а если спустишься в лаву и пролезешь ее — там штрек откаточный. Уголь по нему везут — соображаешь? Как только сменишься у двери, так сейчас же ныряй сюда. Понял? — Иван направил на дыру луч лампы. — Спустишься по лаве вниз, а там, в откаточном штреке, я тебя подожду. Пройдем по всему штреку, завернем в квершлаг. Всю шахту увидишь!

Егор молча кивал головой, но сам с опаской посматривал на вход в лаву. Он напоминал пещеру, о которой Егор слышал страшные сказки. И еще казалось, что там сидел Шубин и скалил белые зубы. Егор даже слышал его хриплый шепот: «Ага, попался!..»

Об отступлении, конечно, и думать было нечего. Егор даже боялся, как бы Иван не заметил на его лице следы страха и старался каждое слово произносить

Ладно, Иван. Жди меня в штреке.

Два часа до конца смены тянулись, точно годы. И как на грех, коногоны словно провалились: не идут, не едут. Стоит Лучкин на дверях и щупает глазами темноту штрека. Лампа его светит недалеко, пять—семь метров выхватить из темноты, а там снова мрак.

Рельсы будто повисают над черной бездной. Между шпал порой блеснет лужица воды, да там, в глубине штрека, послышится частая капель или с кровли сыпанет порода — и снова тишина.

Егор не видит черную пасть, ожидающую его, но смотрит в ту сторону, где был с Иваном, и с каждой минутой ему становится страшнее. Но Егор знает: отступления нет. Не может показать он себя трусом перед лицом товарища. Не может потому, что, во-первых, стыдно, а во-вторых, и это самое главное, надо же ему когда-нибудь становиться настоящим шахтером.

Иван и глазом не моргнул, когда показывал вход в лаву: он и словом не обмолвился о страхах, опасностях, — значит, нет никакой опасности.

Забойщик или рабочий очистного забоя полжизни проводит в лаве, а ему только пролезть. Тоже нашел чего бояться. Только вот почему-то лава эта безжизненная. Почему-то ни шума там, ни говора людского не слышно...

— Эй, Егорка, ать домой!

Лучкин вздрогнул, повернулся. Возле него стоял сменщик и улыбался.

— Я сейчас. Тут в закутке у меня сумочка с едой. И Егор юркнул в темноту штрека.

Без труда нашел ходок. С минуту постоял над ним, перекрестился, машинально пролепетал: «С нами крестная сила». И осторожно стал опускать туда ноги! К счастью, ноги не проваливались в бездну, а ступали на твердое. Тут и там попадались выступы, насыпи.

Лучкин посветил вперед: ходок вел к потемневшим от времени столбикам, подпиравшим осыпавшийся, выщербленный потолок породы. За столбиками виднелась стена в метр толщиной. В стене, словно драгоценные камни, поблескивали в свете лампы кусочки золотисто-черного угля. «Пласт»,— решил Егор и направился к нему. Его тянуло вниз, он не сразу понял, что лава имеет наклон книзу — туда, где, как сказал Иван, должен быть откаточный штрек. Может быть, он совсем рядом и Иван видит своего друга. При этой мысли Егор приободрился, быстрее заработал ногами,

Лез быстро, подгоняемый страхом и желанием скорее добраться до штрека, увидеть друга. Луч лампы направлял вниз и вперед. Только вниз, и только вперед.

Его сердце билось часто и тревожно. Он тяжело дышал, он был целиком поглощен мыслью о близости штрека, и страх отступал. Не заметил, как влез в «узину» — место, где между верхом и низом оставалась узкая полоса, едва позволявшая лезть по-пластунски.

Быстрее задвигал локтями. Но вот вклинился в такую щель, что дальше, как он ни бился, тело не подавалось. Попробовал назад - куртка собралась на спине складками, наглухо застопорила. Сунулся вперед, в сторону — не тут-то было! С минуту лежал без движения. Сразу не мог сообразить, что же с ним произошло. Решил оглядеться. И тут им стал овладевать страх. Вокруг ни звука, ни души.

Кровля над лицом свесилась складками, с нее текут струйки породы. Рядом торчат переломленные пополам стойки. Дерево заплесневело, покрылось мохнатым грибком. Кое-где стойки еще держат кровлю, но рядом со столбиками натекли холмики обрушившейся породы. В иных местах эти холмики составляют сплошную гряду и между ними, словно маленькие пещерки, зияют провалы.

Лежа на спине, Егор дрожащей рукой наводит на них лампу, и ему кажется, что из пещер выглядывает шахтный домовый Шубин.

Вот он стал копытом на сломленный столбик — и земля из-под его ног сочится. А то смотрит красным воспаленным глазом из-за холмика. Егор быстрее и быстрее водит лампой, с ужасом оглядывает призабойное пространство. Он напрягает слух в надежде уловить людские голоса, звуки обушка или стук топора. Но лава пуста.

Лучкин не знает, что горняки давно ушли из нее и добывают уголь в другой, соседней лаве. Страх выжимает на лбу и на лице холодный пот. Егор крутит телом, пытаясь сдвинуться с места. Но лава по-прежнему держит цепко. Он слышит, как гулко стучит его сердце, как шумно раздуваются ноздри, делает еще усилие, еще — и все напрасно. «Неужели конец?.. Как же так?..» На минуту замирает.

Теперь Егор уже не думает о Шубине. Мысль о близкой гибели проясняет сознание; он пытается понять, что с ним случилось. Направляет лампу вниз, ищет откаточный штрек. Кричит: «Ива-а-н!» Но лава молчит. Тишина наступает еще более жуткая и гнетущая.

Он освещает лампой кровлю и снова пытается понять, что же с ним произошло... И в эту минуту, кажется именно в эту, над головой что-то оглушительно, громоподобно треснуло. Егор рванулся и... первое, что увидел, — свет внизу. Потом различил контуры вагонетки, расслышал храп лошади. А уж затем до слуха донеслась ругань коногона.

Егор поднес к глазам шахтерскую лампочку: она горела ярко и весело. Разжал на ее ручке пальцы, они болели от напряжения. Взглянул на колени и понял, что сидит. И нет той тесноты, которая только что давила со всех сторон. Машинально сунулся вниз, встал на колени, полез. Лез, ударяясь о потолок, о стойки, раза два припадал на локти, но тут же поднимался и снова лез. Не думал, что стряслось с ним минуту назад; в ушах еще стоял шум от громоподобного треска. В штреке его ждал Иван.

Слышал, как пицальник рванул? - спросил Иван, увлекая за собой по штреку Егора.

—Какой пицальник?

—Хо, неужели не слышал?

—Слыхать-то слышал, — стараясь быть спокойным, ответил Егор.— Но что это за пицальник—не знаю.

— Порода такая. Миллионы тонн! Бывает, она лопается. Редко, но случается. Я аж вздрогнул. И вспомнил о тебе: вот, думаю, Егор спужается.

—Да нет, чего бояться-то, — сказал Егор, украдкой подтягивая штаны.

—Ну, Егор, посмотрел шахту? - спросил Иван, когда друзья вышли из клетки и увидели солнце.

Егор ничего не сказал в ответ, а только оправил куртку да притопнул лаптями, чтобы сбить с них налипшую грязь. Перед лицом товарища он старался казаться спокойным, сдержанным, будто бы ничего не удивило его ни в штреке, ни в лаве и будто квершлаг для него был давно знакомым и понятным.

Иван притянул его за рукав, сказал на ухо:

—Хочешь в лесогоны?

—Чего зря спрашивать! - с некоторым недовольством ответил Егор. - А возьмут?

—А почему бы и не взять тебя?

Этот вопрос Егор тоже оставил без ответа. Он не хотел говорить о своем росте, слабосилии, сознаться в этом даже другу своему не хотел. Егор действительно был роста невеликого и силой не мог сравниться с шахтерами, которые как один были все рослые да здоровые, точно их подобрали специально для тяжелых горных работ. Егор и от природы-то не был здоровяком, а тут еще вечное недоедание, да недосыпание, да плюс ко всему изнурительная работа в поле батраком. Негде было нарастить тела, подобреть, как тот же Иван Михеев, у которого в кармане всегда лежит десятка-другая заработанных в шахте рублей. И хоть Лучкину уже стукнуло двадцать лет, выглядел он подростком. Боялся, что артель лесогонов его не примет.

—Я бригадир, мне и решать твою судьбу, - сказа Иван без бахвальства.

—Бригадир? Ты?..

—Что глаза-то выпучил? Аль не знал? Бригадир лесогонов, как есть. Так пойдешь ко мне в бригаду?..

Егор согласно мотнул головой. От радости он не находил подходящих слов да и не хотел их подыскивать. По-настоящему работать в шахте, быть среди тех, кто добывает уголь, кто идет в шахту и выходит из нее с высоко поднятой головой, наконец, зарабатывать хорошие деньги, иметь возможность купить себе костюм, сапоги да послать деньжонок матери — это ли не счастье для Егора!..

—Пойдем сегодня к девочкам? — предложил Иван.

—Нет, что ты...

Егор даже отшатнулся в сторону. К девочкам он не идет. Во-первых, ему не в чем, а во-вторых, и это самоё главное, он не хотел знаться с девочками: хотел знать и видеть только одну девочку — ту, что еще там, деревне, встретила ему однажды в поле. Она собирала цветы, а он пас коров. Она увидела большую ящерицу и с криком отпрянула в сторону. Даже цветы бросила. Егор сидел на холмике и видел, как испугалась девушка.

—Чего там? - поднялся Егор.

Девушка стояла все в той же напряженной позе, смотрела то на Егора, подходившего к ней с красивым хлыстом на расписном кнутовище, то на цветы, лежавшие у ее ног. Егор подбирал ромашки, васильки, а сам украдкой поглядывал на босые девичьи ноги. Они были сильными, стройными — таких не видал он у своих деревенских девчат.

—Поди не гавриловская? — сказал он, подавая девушке цветы.

Она пугливо смотрела на него синими глазами.

—Чего испугалась-то?

—Ящерка пробежала, Серая, ровно гадюка.

—Тоже, нашла кого пугаться. Как зовут-то?

Егор хотел взять ее за руку и уже подался вперед, девушка прижала цветы к сердцу, шагнула в сторону. А затем как ветер сорвалась с места и бросилась бежать. Шагах в двадцати остановилась, подняла цветы над головой, крикнула:

—Спасибо, па-а-рень!

И снова бежать. Егор помахивал хлыстом, а сам неотрывно смотрел на мелькавшие по траве икры ног, красивее которых он не встречал в Гавриловском. А когда девушка скрылась в низине, он тут только вспомнил, что она и не сказала ему своего имени. Знал только Егор, что живет его синеглазая в соседнее селе Дубовая роща.

—Так, значит, завтра выходи в нашу бригаду, - сказал Иван, подавая на прощанье руку.

—Уже завтра? А с начальником?..

—Выходи, тебе говорят. На твое место дверовым уже другой назначен. Сказал, выходи, значит, выходи.

Иван пожал Егору руку и пошел в поселок, где на частной квартире снимал уголок. Егор еще некоторое время стоял в нерешительности, а затем направился в свою землянку — он в то время жил у дяди, - но не сделал и нескольких шагов, как свернул с дороги пошел в степь.

Стоял апрель - донбасский, приазовский. В погожие дни он сродни будет среднероссийскому июню: солнце ходит высоко по небу, оно бросает на землю не жаркие, но теплые, благостные лучи, в которых не слышишь зноя, но и нет той весенней, насквозь проникающей прохлады, какая разливается в это время по земле средней России. В тот же вечерний час, когда Егор, перейдя за околицей шахтерского поселка дорогу, вышел на степной простор, природа млела какой-то особенной, мягкой и пахучей истомой. Солнце опустилось на копер старейшей в Донбассе шахты «Кочегарка» прильнуло к нему, словно загляделось на горящую звездочку на самом высоком углу колма.

Все вокруг было хорошо и красиво, и на сердце у Егора было легко. Обхватив ладонями затылок, сжав пальцы рук, он шел и шел в степь, думал свои радостные думы. Вспоминалась ему недавняя жизнь. Какими безрадостными ни были картины его детства и юности, теперь думал о них со светлым чувством, с чуть заметной грустью и сожалением. Где только он ни работал. И у барина, и у кулака — все испытал: и плохое, и хорошее. Барин ходил с плеткой и бил нерадивых по лицу. Ему, Егору, удалось избежать барского гнева. Только однажды Егор пошел заправлять керосином фонарь, а тут, как на грех, барин явился в скотник. «А, братец мой, ты где шляешься?.. Где, говорю?..» И замахнулся плеткой, но Егор юркнул в ворота, и был таков. Прибежал к матери, упротил не посылать больше к барину.

Трудно было матери в то время. Муж умер, оставил ее с пятерыми на руках. Меньшому, Павлу, шел третий годик, старшему, Ефиму, едва исполнилось четырнадцать. Егору в то время было восемь лет. А когда сравнялось десять, мать взяла его и повела к барину в наем.

Как-то зашел в избу местный кулак Петухов. Оглядел парня старыми выцветшими глазами, ткнул в его сторону палкой:

—Мальчонку-то отдай в батраки. Кормить буду и сверх того полушку дам за труды.

Нечего было делать вдове Марфе, отдала сынишку в батраки.

В 1917 году бедным и малоземельным нарезали лучшие куски земли; Лучкиным отвели большой клин — работай, не ленись. И Лучкины работали. Сыновья к тому времени подросли — много было едоков, но много было и рабочих рук. Скоро им тесно стало и на большом клине: подался Егор за дядей Емельяном на Донбасс.

...Егор сидел на камне, гладил зеленую шевелюру степи и думал свою думу. Солнце уже давно скатилось с холма и затерялось в дальней окраине Горловки. Багровая пелена зари свесилась с неба, точно занавес фантастического театра. Терриконы шахт шатрами тянулись вдоль

линии горизонта, и всю эту картину шахтерского края разнообразили черные прямоугольники копров, трубы котелен, приземистые коробки механических мастерских.

Уже темнело, когда Егор пришел домой. Дядя встретил его недовольным вопросом: — Где припозднился, малый?

И зорко взглянул на племянника: не пьян ли?... Но нет, в глазах Егора хмель не ночевал, в них светилась радость и надежда.

3

В сенях было еще темно, когда Егор проснулся. «Не опоздать бы!» — спохватился, но вспомнил уговор с Иваном: тот обещал зайти за ним и покричать в слуховое оконце. Взглянул на разбитое стекло, синевшее над нарами. Рассвет заглядывал в сени робко; весеннее тихое утро еще не нарушило тишину апрельской ночи, не пробудило животных, птиц. Горластые петухи, и те еще дремали на насестах.

Егор растворил скрипучую дверь сеней и взглянул в сторону Мартеновской балки, откуда должен был идти Иван Михеев. Ряды землянок круто огибали балку и затем снова бежали по степи двумя ровными шеренгами. В предрассветном полумраке жилища шахтеров походили на солдат, склонившихся у дороги и заснувших глубоким сном. Лишь кое-где из чрева землянки тянулся ручеек дыма — единственный признак жизни в тот ранний час.

— Ты чего там, Егорка? — раздался хриплый прокуренный голос дяди Емельяна. В ту же минуту в сенных дверях показался и сам дядя — в холщевой домотканной косоворотке, в истертых до белизны штанах.

— Чуть свет всполошился, людям спать не даешь.

Дядя присел на бревно, лежавшее под окном землянки, зажег «козью ножку». И хоть старался говорить строго, но Егор слышал в его голосе и добродушную заботу о племяннике, и понимание Егорова намерения.

Дядя знал о решении Ивана Михеева взять земляка в лаву. И хоть не высказывал своего одобрения вслух, но втайне был доволен таким оборотом дела.

Глубоко затягиваясь папирской, Емельян Тихонов сказал:

— В лаву, значит?

— В лаву, дядя Емельян.

— Ну, ну, Иван парень расторопный, лава ему подалась.

Емельян Тихонович говорил о лаве, как о живом существе. В душе он считал Ивана Михеева мальчишкой, несмышленишем, но работника в нем признавал. Еще недавно, в дни получек, когда любивший прихвастнуть Иван помахивал перед лицом дяди Емельяна тугой пачкой рублей и говорил: «Опять я вас обошел, Емельян Тихонович!», в сердце старого шахтера закипала обида. По дороге домой он ворчал: «Я его из деревни вытащил, за ручку на шахту привел, а он сукин сын, бахвалится...» Впрочем, обида быстро проходила. Шахта любит здоровых и сильных, а он Емельян, поизносился на барских полях, не может угнаться за молодыми. И хоть Емельян Тихонович ни кому не уступал в проворстве и искусстве обращения с лесом, но все-таки он работал не в лаве, не на переднем крае. А Ванятка Михеев — в лаве. Да еще бригадир. Он, сукин сын, в подземной тесноте вьюном вьется: где на пузе, где ползком, а где и на короточках. Молодость — одно слово!..

Завтракали молча. Емельянова жена напекла блинов, подала со сметаной. Она тоже понимала торжественность момента, старалась получше накормить Егора.

Скоро пришел и Михеев. Уткнулся носом в оконное стекло, крикнул:

— Эй, Лучкины, готовы?..

Дядя Емельян перекрестился у порога, косо взглянул на племянника. Недовольно буркнул:

— Положи крест на чело. Рука-то не отсохнет.

Егор не стал возражать дяде, перекрестился. Потому же, выходя на улицу и здороваясь с Иваном, про себя ухмыльнулся. Дядя всегда так: в ответственные моменты жизни обращается к богу. В другое время забывает о нем. А в лихолетье поругивает всевышнего. Однажды изрядно выпив, даже кулаком погрозил Иисусу Христу.

Шли гуськом по тропинке: Иван впереди, Егор за ним, Емельян Тихонович сзади. За спиной в брезентовых сумках несли топоры, сбоку на ремнях болтались шахтерские «тормозки» — узелки с едой. Иван щеголял начищенными сапогами, у него и куртка была форменная с карманами, и кепка блестела лакированным козырьком. Егор и дядя Емельян обличьем своим напоминали больше крестьян, чем горняков. Но если Емельян Тихонович не думал о своей одежде, то Егор с завистью смотрел на своего удачливого сверстника Ивана, завидовал его щеголеватому виду и давал себе слово с первых же «хороших» получек купить себе сапоги и куртку.

Егор украдкой щупал мышцы своих рук, набирал полные легкие воздуха, косил глаза на грудь. Да, силёнки маловато. Не будь Иван земляком да хорошим парнем — не видать бы мне лавы.

Помимо своей воли, не думая о том, Егор старался шагать широко, энергично махал руками. Весь он в эти минуты походил на подростка, которому сказали: «Ты уже мужчина, а ну-ка пройдишь, мы на тебя посмотрим!»

В шахте, в начале штрека, дядя Емельян остановился, взял Ивана за руку.

— Гляди, Ванятка, вы ребята взрослые. — И не дожидаясь ответа, подтолкнул вагонетки с лесом, крикнул на лошадь, пытавшуюся сдвинуть партию вагонов: Ну, пегая!..

А друзья пошли дальше, к тому месту, где начали свою работу лесогоны.

Они пробирались в темноте, шлепали по черным вязким лужам. В иных местах деревянные стойки, не выдержав бокового давления, наклонились к середине штрека и застыли, как вытолкнутые из строя солдаты. Там и тут кровля сломала поперечину и сыплет с потолка струйки породы, выжимает из темной тверди ручейки шумливой воды.

Егор украдкой, опасливо смотрел по сторонам, взглядывал на зияющие провалы в кровле. Ему все казалось, что стойки и поперечины вот-вот затрещат под напором стихии, земля обрушится на них и поглотит в своих пучинах. Всякими словами он бранил себя за трусость и малодушие, мысленно повелевал выше держать голову и не поддаваться страху.

Никогда и никому Егор не завидовал так, как завидовал в эти минуты Ивану. Михеев уверенно шагал впереди, похлопывал ладонью по мокрым бокам стоек, приговаривал:

— Взмокли, сердешные!..

Или дружески советовал:

— Держите, братцы, держите.

Из глубины штрека вдруг раздался визгливый, почти женский голос:

— Ивашка, черт толстопятей, и где ты...

Последнего слова Егор не разобрал: то ли «дифлюешь», то ли «махлюешь».

Иван прибавил шаг, про себя буркнул: «Ну что орешь, черт меченый?..»

Егор понял: Иван побаивается Меченого. Наверное, начальник, решил про себя.

А Меченый распинался:

— Лесого-о-нчики, черти непросохшие!..

— Ну, ну! — крикнул в темноту Иван. — Брось глотку драть, не луженая.

Впереди по штреку замелькали огни, из темноты выступил длинный сутулый дядя, гаркнул на Ивана:

—Ну ты!.. Поговори у меня еще!.. Где стоечки, где? Или ты думаешь, я..пальчиком закреплю лаву?.. Или вы, товарищи лесогончики, еще что-нибудь думаете?..

—Будет вам лес!—примирительно сказал Иван и махнул Егору рукой. Егор подошел к нему и увидел под ногами Ивана разложенные вдоль стены рядками метровые стойки. Иван набросал их на руку Егору, сам забрал в охапку, и они двинулись дальше по штреку.

—Ребят не видел? — крикнул Иван.

— Дрыхнут твои ребятеночки, — ответил полуженский голос откуда-то из глубины.

Впрочем, в тот же час Егор разглядел внизу ходок в лаву,— вроде того, в который он однажды уже спускался. «Неужели и эта лава такая?..» - с трепетом подумал Егор. Но размышлять было некогда: Иван нырнул в лаву, точно в колодезь. За ним последовал и Егор.

Первые десять метров пришлось пробираться по каким-то уступам и выступам, в тесноте беспорядочных рядов стоек; Егор, поспешая за бригадиром, вначале подвигался на корточках, но тотчас же понял, что так он отстанет от Ивана и, чего доброго, заплутается лабиринте стоек. Крепко зажав охапку столбиков, он опустил на колени и что есть мочи задвигал ногами. Сквозь тонкую материю ветхих штанов чувствовал коленками каждый камушек, острый выступ, но спешил за бригадиром. Хорошо, что Иван быстро остановился. Выбрав частый рядок стоек, он сыпал свои кругляки, стал укладывать их в аккуратный штабель. Подползшему Егору сказал:

—Осторожно, не бросай!

И принял из его рук охапку, сложил на свои, Лучкину пояснил:

—Упустить можно. Вишь, какая крутизна?..

Посветил лампой вниз: лава сбегала круто, точно хорошо накатанная отвесная горка. По всей лаве, покуда хватал глаз, отливали чернью ряды стоек. Они походили на пеньки обгоревшего леса.

Егор Лучкин и на этот раз не понял лаву, не осознал её крутизны, опасности, горячего нрава. Он видел как внизу, между стойками, маячили люди (наверное, там Меченый и его помощник), слышал удары топоров—крепильщики перекрепляли призабойное пространство. Где-то совсем рядом раздавался стук обушков, с шелестящим шумом падал и катился вниз уголь, но Егору и невдомек было, что то забойщики «грызут» обушками пласт. Во всем этом Егор разберется потом, со временем он научится видеть всю шахту насквозь, понимать ее, как себя или своего хорошего друга, — все это будет потом, а сейчас он смотрел в освещенную лампой падь и видел лишь стойки да слышал звуки, о происхождении которых мог лишь догадываться.

—Помнишь, где брали стойки? — спросил Иван.

—Это там, в штреке?

—Ну да. Валяй за ними, да посмотри ребят. Если пришили, пусть не мешкают, забирают лес — и сюда. Скажи, Меченый лютует.

На обратном пути Егор снова подумал: «Видно, важная птица этот Меченый, если Иван его боится».

Однако решил не спрашивать о нем у Ивана, а самому разобраться, что и к чему тут в лаве. В штреке толкалось четверо дюжих парней.

—Вы, случаем, не из бригады Михеева? — бойко подступился к ним Егор.

—Ну да, лесогоны мы, а что?

—Бригадир лес велел нести, вот этот. А то, говорит, Меченый лютует.

Ребята набрали охапку лесу и один за другим сунулись в лаву. Спускавшийся последним невысокий паренек с темными круглыми глазами повернул к Егору! голову, спросил:

— Не Лучкин будешь?.. Ну, ну, будем знакомы: меня зовут Костей, Татьянин я, может быть, слышал?.. А нам вчера говорил о тебе бригадир.

Татьянин резво и, как показалось Егору, не сгибаясь, юркнул между стоек. Лучкин рванулся было за ним, но припал на колени, рассыпал кругляки. Собирая стойки, отстал, потерял из виду товарищей. Вынужденная проволочка разозлила Егора, он бестолково толкался между стоек, подбирал кругляки и не замечал, как сильно бьется его сердце, как по вискам и лбу стекают струйки пота. Он еще лазил по жесткой, комковатой породе, искал далеко отлетевшие кругляк когда ребята возвращались обратно.

Впереди идущий крикнул Лучкину:

— Что, земляк, очки потерял?

Татьянин, поравнявшись с Егором, кивнул ему:

— Помочь тебе, друг?

— Не! Сам справлюсь.

Егор выбрался в коридорчик ходка, пополз на коленях. Иван теперь был внизу лавы, он махал Егору лампой, кричал:

— Спускайся по стойкам, не бойсь!..

Впереди с обушком под мышкой спускался какой-то горняк. Рукой он едва касался стоек, проворно и ловко вступал ногами со стойки на стойку, почти бежал вниз. Лучкин тоже наступил правой ногой на стойку, но другая была далеко, и он не знал, как дотянуться до нее левой ногой. Схватиться рукой за стойку он не мог: руки были заняты. Егор некоторое время стоял в замешательстве, но вспомнил, что сейчас придут сверху ребята, а он торчит на дороге, как пробка. Да и Михеев смотрел на него снизу. Слышал, как сильнее и сильнее стучит его сердце, обильнее стекает пот по лицу. «Быстрее же!» - кричало внутри. Повинуясь безотчетному порыву, он всем телом сунулся на стойку - тут случилось страшное, непредвиденное: стойка выскочила под тяжестью Егорова тела, Лучкин скользнул вниз, ударился о другие стойки, выпустил из рук кругляки, и они посыпались вниз по лаве. И тут же раздались голоса: «Лес сорвался!.. Держите лес, ребята!..» А кругляки, увлекая с шумом породу, летели вниз по лаве, сшибались со стойками, распорками. Шум от их падения постепенно замирал внизу, в крошечной темноте.

— Эй, бога мать... какая там тюха-разматюха...

На этот раз цветисто заверещал Меченый. Егор явственно различил его визгливый голос. И сжался от страха. «Не дай бог в кого попадут», - вспомнил он, как дядя Емельян, бога и представил, как там, внизу, выпущенные им кругляки попадают в людей, разбивают головы, ломают ноги.

Из темноты поднялся Михеев.

— Ничего, Егор, авось обойдется.

Он опасно посмотрел вниз, прислушался. Сказал примирительно:

— То я виноват. Показать бы надо, объяснить. Ничего, обойдется, - прибавил он уверенно.

Взял Егора за локоть, зашептал на ухо: — Понемногу таскай и тихонько. А я тут для тебя столбик подобью.

Иван взял кругляк, поднялся к тому месту, где свалился Егор, поставил там стойку.

— На него будешь становиться.

В этот первый день работы в лаве Егор не спускался глубоко вниз, не увидел всю лаву, все призабойное пространство. Он носил лес из штрека, потом с Татьяниным ходил далеко по квершлагу, помогал другой бригаде лесогонов протягивать «партии» с лесом через обвалившуюся часть штрека. Он видел забойщиков, но ни с одним из них не познакомился, не узнал имени: видел, как работает в лаве крепильщики, но так и не понял роли, какую играл среди них и среди лесогонов загадочный человек по имени Меченый. Даже не знал, то ли фамилию такую носил сутулый злой забойщик, то ли его так прозывали.

Никаких вопросов - Михееву и своему новому другу Татьянину не задавал.

Домой шел один, едва переставлял от усталости ноги. Думалось Егору, что для работы в лаве он слабоват, что вровень с другими лесогонами ему не встать. И от этих дум тоскливо ныло сердце.

4

Вечером зашел Иван Михеев, позвал гулять. Придерживая Егора за локоть и шагая рядом с ним по улице, говорил:

—Ты, Егорка, сегодня боевое крещение получил, настоящим шахтером стал. С тебя причитается.

Егор не хотел бы идти в пивную на край поселка, туда где начинается Мартянова балка, но отказываться нельзя. Что подумает Иван?.. Скажет, жлоб, скупится водкой угостить бригадира, несколько рублей потратить. Да и, по совести, Егор обязан Ивану. Как-никак: в шахтеры произвел!.. Крестный отец!..

Как только ночь приспустила к земле звездно-синее небо, Егор отправился к Ивану. Иван жил в том же веселом краю поселка, где была продуктовая лавка и пивная с облезлой надписью над крыльцом «Чарівниця». В том конце поселка по утрам и вечерам над всей Мартяновой балкой раздавались озорные трели соловьев.

Там же на зеленом лугу стояла лавочка для гармониста. Жадная до танцев молодежь выбила каблуками траву на площади, где мог бы уместиться старый террикон.

Лучкин шел к Ивану с тайной мыслью побывать и на танцевальном кругу, посмотреть на девушек - капчонок и на модниц, разгуливающих по городу с гордым неприступным видом. Ведь, наверное, и они приходят сюда повеселиться.

Ивана Михеева дома не оказалось. Вышедшая из землянки сухонькая старушка, видимо, Ивановна хозяйка, махнула рукой в сторону балки:

— Пошел туда. Принарядился, ровно барин, и пошел.

Егор, продолжая свой путь, невольно оглядел свое одеяние. Брюки на нем были рабочие, шахтерские, а пиджачок дал со своего плеча дядя Емельян. Правда, пиджак был ему не по плечу — висел, как на вешалке, - но Егор и такому был рад. Не было у него в то время ни хорошей зимней одежки, ни летней. В старом овчинном полушубке ходил он на работу, им же укрывался на ночь, когда в дядиной землянке, в углу под иконой, укладывался спать. Костюмного пиджачка не было у него во всю его жизнь. И может быть, потому дядин поношенный сюртучишко казался ему нарядным фракком, точь-в-точь таким, какие он видел на господах.

Двери пивной были раскрыты, оттуда раздавались хриплые голоса, звон посуды: кто-то надрывно, плачущим голосом призывал:

—Братцы!.. Окажите ему свое почтение!..

Лучкин стоял у косяка и оглядывал облепленные шахтерами столики. Между ними с букетами пивных кружек бегала чернокудрая розовощекая официантка.

—Зо-о-ся!... — гудело со всех сторон. — Зосенька!..

Иван увидел Егора и поднял руку. Михеев с четырьмя друзьями сидел за маленьким столом в самом углу помещения. Он тянул вверх руку и кричал:

—Сюда, сюда, Егор!..

Кто - то запел песню — свою, шахтерскую. Запел хорошо басовито и душевно. И тотчас же все притихли, смолк и перезвон пивных кружек. И Зосю никто не звал. Песня словно погасила гомон дымного полумрака лилась свободно, звучно:

Капчонка-девушка Мару-у-ся,

Зашлася горем и тоской...

Егор незаметно скользнул между столами, присел за спиной Ивана, который махнул ему рукой, — дескать, садись, не мешай слушать. Певца слушали все: и молодые горняки, и старые, и те, кто знал прежнюю жизнь шахтера, когда в шахте работало много женщин - капчонок, когда коногоны зачастую сами впрягались в «партию» и вместо лошади тянули вагонетки по откаточному штреку. Тяжкая была работа горняцкая, изнуряющая. Главное же — опасная. Встретишь на пути завал— расчищай, перекрепляй кровлю. А то спуск вагонеток надо ладить, то подъем. Отцепилась, сорвалась вагонетка — кого-то зашибла, кого-то покалечила. Шахта сродни полю боя: стрельбы нет, а жертвы все да могут быть. Вот и идут из глубины времен — еще с начала прошлого века—песни о нелегкой доле шахтера. Поют про обушок, про коногона, про капчонку— так зовут горнячку, прокопченную угольной пылью. Иногда весело поют, но с грустинкой, а чаще — раздумчиво, с мечтой о лучшей жизни, о труде, который приносил радость:

...Во субботу не работа:

Все с получкою идут,

А наш Ваня прогулялся,

Его в полицию ведут,

Лучкин привстал с табурета и увидел певца: он сидел за столом посредине помещения, его со всех сторон окружали друзья. Певец был сутуловат, высок ростом, лицо у него было сухим и продолговатым. Льяные прямые волосы двумя прядками разделяли голову.

—Мальчонко-то, мальчонко-то какой! - зазвенел за спиной у Луйкина девичий голос, и тишина, наступившая после, песни, вдруг нарушилась, стала заполняться привычным гомоном пьяной компании. Над Егором, блестя черными влажными глазами, склонилась Зося.

— Не замай Егорку, —пьяно дохнул на нее Иван Михеев. Взял ее руку, потянул к себе. Девушка отдернула руку, но не отошла. Видя, что Иван хочет ей, что то сказать, наклонилась к нему.

—Неи...неи...скушенный!— едва выговорил Иван мудреное слово. И положил на плечо друга могучую ручищу, притянул Егора к себе.

— Принеси ему водки.

— Ни капли! Только пива. Пусть хоть один будет трезвый.

Зося дружески кивнула Егору, точно знала его много лет.

—Хочешь быть трезвым, а?

Егор машинально кивнул.

—Ну что?—вызывающе бросила Зося Ивану.—Твой друг не то, что ты.

— Принеси, говорю!..

—Так я тебя и спужалась.

Зося приблизилась к Егору.

—Зовут как?.. А ты, я вижу, новенький. Откуда приехал?.. Поди, из Курска?

— Это почему из Курска?

—А так, по виду сужу. Куряне все бедные. И не пьют, не научились.

Егор не заметил, как стол окружили несколько дюжих фасонистых парней. Из-под новеньких пиджаков пламенел яркий шелк рубах, чубы завитые. Впереди всех облокотившись на Ивановы плечи, - сутулый и длинный - тот, что пел про коногона. На левой щеке — шрам, в маленьких серых глазах - злость и воля. «Меченый!»— вспомнил Егор. И неприятный холодок покотился по мокрой от пота спине.

— Не он ли кругляк сегодня упустил?.. — спросил Ивана.

— Отстань от него, не лезь, - властно сказала Зося и с силой потянула Меченого за рукав.

—Что, приглянулся? — сердито спросил Меченый. Лицо его вначале налилось кровью, затем стало бледнеть. Только под шрамом оставалась трепетная летучая краснота.

—Иди, говорю, на место,— слышишь?

И Зося толкнула Меченого в спину, да так, что тот чуть было не упал между столов. Однако ни словом, ни жестом не возразил. Пошел к столу, увлекая за собой компанию пьяных парней.

Иван, притягивая Егора к столу, сказал:

—Не обращай внимания! Милые бранятся —только тешатся. И, глубоко вздохнув, заключил:

—Беда, Егорка, если ты приглянешься Зосе. В ней Меченый души не чает.

5

В избу то и дело заходят люди, все больше женщины.

—Марфушка, а никак, твой сын приехал?

Другая долго стоит у порога, с нескрываемым жадным любопытством смотрит на дверь горницы, ждет появления шахтера. Каков-то он, Марфин сын Егорка, приехавший из донбасских краев, где работал в шахте и, как теперь говорит вся деревня, «парень стал, хоть куды». А Егорка не выходит из горницы. И тогда самая любопытная не выдерживает:

— Показывай гостя-то, Марфа!

— Да что он, артист какой, что показывать его всем.

Марфа возится у печки с чугунами. Хлопот у нее прибавилось. Как-никак, а городской человек стал у нее Егорка. Чем зря его не накормишь. Да и родственники гужом валят. С иным покалякаешь, да и будет, а иного за стол сади, водкой угощай. А известное дело: там, пьют, там и едят.

Виновник беспокойства лежит на печке с меньшим братом Иваном. Когда в избу заходит любознательная старушка или молодая тараторка, братья замолкают, лежат в полумраке и посматривают на вошедшую: но как только незваный гость уходит, братья принимаются за свое. Один спрашивает, другой отвечает.

—Под землей, значит, он, уголь-то, лежит?

—Глубоко залегает. Страсть как глубоко. Не будь там спускной машины, так и в жисть бы до него не добрался.

— А она что ж, спускная машина, - вроде брички какой или повозки? Так вниз и едет?

Егор покачивает головой, смеется. Ему хочется сказать брату: «Деревня ты, Иван, темнота». Но ничего Ивану не говорит. Объясняет терпеливо:

— На бричку та машина совсем не похожа, клетью она называется. Металлический ящик такой, вроде большого сундука. Только поставлен тот сундук на - попа. А сверху канат железный. Барабан раскручивает канат, клеть идет книзу. А в ней шахтеров с полдюжины. Бывает, что оборвется канат. Тогда клеть со всего размаху летит вниз. С полкилометра летит.

— Ну-ну!.. - тянет Иван.

Но Егор его успокаивает:

— Случается это редко.

Иван пытается представить полукилометровую высоту, но не может. Он знает, что полкилометра от их дома до соседской риги: он даже мысленно видит тропинку, ведущую прямо от огорода до риги, и знает сколько по ней идти, и сколько бежать, но вот представить ту же тропинку, задранную к небу, он не может.

Егор пытается ему помочь:

—Церковь в волостном селе Паюсовском видал?

— Как не видеть! Даже на колокольню с ребятами лазил. Оттуда вниз глядеть невозможно, голова кругом идет.

—Ну вот, а та церковь всего тридцать метров вышины имеет. А тут пятьсот. А ну-ка, взгромозди пятнадцать церквей одна на другую! Чуешь, какая вышотища получится?..

Иван согласно кивает головой. Пятнадцать церквей - это слишком много. Такую высоту он тоже представить не может. Но знает: много! И проникается к Егору еще большим уважением. Не боится же он каждый день с такой высоты, словно с горки, съезжать. Да еще добро бы на санках, а то в каком-то ящике. Что ни говори, а Егор молодчина! Не зря ему деньги платят.

И меньшей брат посмотрел в угол, где завернутые в газету висели новенький молескиновый костюм Егора и полосатая рубашка из фабричной материи. Глянул он и на сапоги, стоявшие в том же углу и отливавшие глянец городского крема. Ивану завидно было и грустно, ему ведь уже шел двадцать первый. На гулянках и посиделках он прятался за спины товарищей; стыдно было парню выставлять напоказ свои обноски. Каждый день он носил все ту же отцовскую холщевую рубашку, а по вечерам, да в сырое время, точно на праздник, одевал единственные в доме стоптанные яловые сапоги. Кроме него в семье было еще трое парней, и они уже были женихами, но, как и ему, им не на что было одеться. Кое-как вылезли Лучкины из крайней нужды, наелись досыта, дом покрыли новой крышей, сбрую коню завели, а до одежды очередь не дошла. Никак не могли они скопить деньжонок да купить одежку.

Приехали из волости Павел и Александр. Ездили на мельницу, муку молоть. Наскоро раздевшись, сели за стол ели борщ. Мать не торопилась сообщать о госте, ребята не догадывались. Только видели, что мать как - то не по-буднему одета да на лице ее радостное волнение светится, а отчего - не понимали.

— Что это ты нонче нарядная у нас? - спросил старший Александр.

— Чай, у нас нынче праздник, - отвечала мать. - Погляди-ка, кто приехал, - кивнула на печку.

Егор с Иваном прыснули за ситцевой занавеской, свалились оттуда, словно гром на голову.

— Глянь, Пашка, шахтер приехал!

Братья кинулись друг другу в объятья, стали тискать один другого, на радостях ударять по плечам, по спинам. Мать вышла из-за досчатой перегородки чулана, смотрела на сынов и украдкой смахивала набегавшие на щеки слезы радости. Глянул бы на детей Афанасий! Ждал он и не дождался помощников.

Ребята все были дюжие, литые. Поправился, повзрослел и Егор. Видно, шахта пошла ему на пользу. У него и в голосе появилась зычность, и смеется он теперь громко, молодецки закидывая голову, блестя сине-серыми глазами. На нем и майка шелковая, и прическа городская. Любо матери смотреть на своих сынов, нет в ее сердце тревоги за их судьбу. Слава богу, всех она вырастила, поставила на ноги. Теперь бы и отдохнуть ей можно, да сердце беспокойное, жадная она к работе.

Ребята как сговорились, подошли к матери, обняли ее со всех сторон. И с минуту стояли молча. Только мать не выдержала, расплакалась. Полились по морщинистым щекам слезы радости и неизбывной грусти. Грустно было от сознания быстротекучности жизни, того, что молодость ее уже прошла и никогда не вернется еще - тосковала она по рано ушедшему мужу. Теперь же тоска ее пролилась слезами, заплакала она в голос, запричитала. Сердцем звала Афанасия, терзалась горькой мыслью, что не увидит ему родных сыновей, не обнять, не приголубить. Жалась к сынам, обливала грудь Егора слезами. Егор взял мать за руку, отвел в передний угол, усадил на лавке под образами.

Долго в эту ночь говорили они о жизни, о делах семьи. И приняли решение: отправить Ивана вместе с Егором в шахту.

— Пусть и Иван человеком станет, - сказала Марфа Михайловна и горделивым материнским взглядом посмотрела на Егора.

6

Собираясь в поле, братья сказали:

— Ты, Егор, отдыхай. Работать мы тебе не дадим. Нароботался там, в шахте.

Мать согласно кивала головой. Правильно рассудили сыны, Егорушке нужно отдохнуть. А то зачем же и приехал в деревню, в отпуск.

От себя добавила:

— К обеду приду, борщ разогрею. Иди, сынок, погуляй по лугу.

Егор одел новую рубаху с отложным воротником, новые брюки, хромовые штиблеты. Тщательно причесал льняные волосы, смочил виски одеколоном, вышел на улицу. Пошел дорогой, которую хорошо знал, о которой там, в Донбассе, грезил днями и ночами. Дорога вела за село к песчаному яру и дальше, в зеленую низину, где в позапрошлом году явилась его взору девушка с длинными крепкими ногами, с тугой косой и с глазами, как утреннее небо родной Орловщины. Не знал он, как зовут красавицу, жалел об этом, но помнил тропинку, по которой она побежала домой. Образ степнянки засветился перед ним еще ярче, когда встретился он с глазами Зоси. Жадно впились в него черные очи, и не устоял бы перед ними Егор, не знай он другие, небесные глаза. И там, в дымно - угарном полумраке шахтерской пивной, Егор вдруг понял как дорога ему эта, орловская. Тогда же дал он себе слово отыскать ее хоть на краю света и увезти в горняцкий край. Теперь гулко стучало Егорово сердце зорко вглядывался он в майскую прозрачную синеву: авось мелькнет знакомый силуэт, покажется с букетом цветов желанная. Но на лугу никого не было. И вокруг до самого горизонта расстилалась ярко - зеленая степь, точь-в-точь как в Донбассе. Только воздух здесь чище и душистей, поля и луга нежатся черноземной истомой. И солнце ласковей. Не палит оно жаркими лучами, не ослепляет глаз, а мягко рассыпает незримый золотой дождь, обдавая землю майским теплом.

Так он прошел километра три, поднялся на косогор и увидел разбросанные домики деревушки Дубовая роща. В детстве забегал сюда на помещичий пруд, но было это давно, Егор не знал ни одного жителя соседней деревни. Пруд там высох, перевелись и утки, которых во множестве держали рощинцы. Знал Егор, что земли тут песчаные, каменистые, влага на них не держится, сбегает в низину, из которой он только что вышел. «Не здесь ли живет она?..» И снова Егор пожалел, что тогда, в ту памятную и единственную встречу, не узнал, как зовут девушку. И в нем сильнее прежнего всколыхнулось желание отыскать ее непременно, пройти все дома соседних деревень, но найти и забрать с собой в Донбасс. Но как найти? Кого спросить? В чей дом зайти? И тут ли она живет?..

Подобрав на лугу палочку, помахивая ею, шел в деревню. На огородах видел то одну женщину, то другую, но тотчас заключал: «Нет, не она!» Почему-то показалось, что она должна явиться необыкновенным образом, не так, как другие; и вид у нее должен быть необычный— солнечный, светлый, нарядный. Она должна идти с гордо поднятой головой и распевать песню, она должна излучать сияние, как излучает его солнце она и сама должна походить на песню, и на сияние, и на все самое красивое, что только есть на свете.

У колодца набирала воду старушка. Она медленно перебирала руками, вытягивая ведро. Журавль нехотя поскрипывал, веревка вырывалась из рук — Егор поспешил на помощь. Он быстро наполнил два ведра, подхватил их и спросил:

— Куда нести, бабушка?

Старушка показала на дом, что стоял посредине деревни, и засеменила сзади. У крыльца спросила:

— Чей же будешь? Вроде бы не нашенький?..

— Газриловский я, бабуня. — Егор кивнул головой в сторону своей деревни. — Ищу у вас нужного человека.

— Эт кого же?

Егор хотел сказать, но говорить было нечего. Развел беспомощно руками. В растерянности оглядел дом. Подбоченился, показал руками нечто величавое, красивое:

— Девушка такая. О!.. — и снова показал руками. Дескать, очень хорошая девушка.

— Да как же ее зовут?

- В том-то и дело, бабушка, что не знаю. Видел но не знаю.

Старушка подумала с минутку, посмотрела в дальнюю сторону села, снова задумалась. Потом уверенно показала рукой:

- Вон там... в том домике. Анной зовут.

Егор не шел, а плыл к покосившемуся домику с двумя окошками, наполовину разбитыми и заткнутым тряпьем. Возле домика покачивал хилыми ветками жухлый тополек, а вокруг—ни кола, ни двора. Невеселые мысли шелохнулись в голове Егора, смутно сделалось на душе. Выросший в деревне, знавший ее душу, Егор сразу представил себе жизнь Анюты. В трудах и заботах, в отупляющей душе бедности проходили ее молодые годы. Может быть, у нее, как и у него нет отца, может, болеют родители или невезучие, их доля несладкая, незавидная.

В доме никого не было. Дверь в хату была прикрыта, глухо поскрипывала на ржавых петлях. Точно в заброшенный склеп, заглянул в избенку. И тут ему представилась бедность и запустение. В черном углу едва заметен был образок божьей матери, под образом изрезанный, искобленный досчатый стол. К нему приникла короткая лавчонка, да табурет стоял, припав на одну ножку. Егор тихо затворил дверь, понуря голову отошел. Мысли о бедности всегда угнетают деревенского человека. Надо было отойти от сладких сновидений, осмыслить реальную обстановку, обдумать, создать новый мир своих представлений.

Егор глубоко вздохнули зашагал по первой же попавшейся тропинке. И тут увидел, как навстречу ему бежала девушка.

— Вы к нам? — запыхавшись спросила она.

Егор машинально кивнул и в замешательстве сделал шаг в сторону. Девушка смотрела на него яркими, блестящими, смеющимися глазами. Она узнала Егора и была рада встрече. Но Егор никак не мог сообразить, это и была она, та самая, к которой он стремился долгие месяцы жизни на чужбине.

— Вас зовут Анна?

Девушка закивала головой. Да, конечно, разве он не помнит ее? Разве он забыл встречу на лугу, когда она собирала цветы и испугалась ящерицы?.. Ты должен помнить! — говорили Анютины глаза.—Я хочу, чтоб ты меня непременно помнил!..

Анюта была та и не та девушка, которую он встретил на лугу два года назад. Тогда ей было четырнадцать теперь - шестнадцать. Тогда она была подростком, теперь статная, взрослая девушка. Г лаза ее стали чуть темнее: они казались темно-серыми с серебряными икринками. Они смотрели спокойнее и мягче. И вся она повзрослела, стала круглее; черты лица приобрели законченные формы, голос звучал уверенно спокойно. Егор, конечно, обо всем этом не думал, но

подсознательно понял все это, взглянул ей в глаза раз другой, смутился и сказал почти машинально:

— Меня зовут Егор. Выходи вечером на луг. Я приду.

Анюта кивнула головой, тоже машинально, едва осознанно; она хотела еще что-то сказать, но Егор круто повернулся и зашагал прочь.

7

За картофельным полем, на току, где начинается Лучкин клин, - земля, выделенная Советской властью для посева хлебов, — собрались сыновья Марфы Михайловны. Они ставили ригу, чистили ток - готовились к летним полевым работам. Тут же был и Егор. Всю прошлую ночь он не сомкнул глаз: гулял с Анютой за деревней, по лугам, дорогам и тропинкам, а чуть свет проводил Анюту до околицы ее хуторка, пошел с братьями трудиться. Они хоть и уговаривали его поспать, но не до сна было Егору. Хотелось поделиться с братьями своей радостью, кое-что узнать, выведать спросить совета.

Иван и Павел — младшие братья. Ивану в то время двадцать два года. Павлу — двадцать. Они не только в своей деревне, но, пожалуй, всех девиц в округе знали наперечет. А Павла хорошо знает Анюта; смеясь и подзадоривая Егора, рассказывала ему, как гуляла с Павлом, танцевала краковяк и падеспань. И еще говорила, что Павел пригож, для него любая девка может оказаться парой. И действительно, он хорош Павел, младший брат Егора. Но с Аннушкой любовь не водит, дружат они да и только. Егор испытующе посматривает на братца и не видит в нем ни обиды ни смятения. А братец знает, с кем встречал зарю шахтер. Подмигивает и посмеивается: дескать, брательник, лучше девки не найдешь во всей округе. Других братьев разбирает любопытство, хочется им знать Егорову тайну, но прямо спросить стесняются

— Заблудился нынче ночью шахтер, дорогу в родную деревню потерял.

Это говорит старший брат Александр, задира и пересмешник. Он обвел лопатой круг на краю тока и копает лунки для жердей. Самый старший брат Ефим снял армейский ремень, расстегнул ворот гимнастерки. Он служит в армии - здесь же, неподалеку от Гавриловской. Порядки в их территориальной части нестрогие - он часто приходит домой, помогает матери и братьям по хозяйству. Ефим, как и подобает старшему в семье, сдержан и серьезен. Он ловко орудует топором, обстругивая сучки, равняя стоики.

— А может, он уголь в окрестностях искал, шахту хочет построить? - поддержал Александра Иван.

— Попридержали бы языки, зубоскалы! — приструнил Ефим - Лучше бы невесту парню помогли найти. Скучно ему одному в чужом краю. - И, обращаясь Егору, спросил:

— Верно говорю, Егор? Женился бы ты на Дуньке Курданихе. Чем тебе не девка?

— Курданиха? — переспросил Егор. — Эт какая же у них Дунька?

— А крапиву в ноги которой подбросил, забыл, что ли? Егор смутился от внезапно нахлынувшего воспоминания.

— Да разве ж, она большая, Дунька-то? Девочкой была.

— Была девчонка, да сплыла. Посмотрел бы, какая красавица стала. А вчера каким лебедем проплыла мимо нашего окна. Чай, не забыла старого дружочка.

Да, Дунька Курданова девушка видная. Она еще тогда, в пору детских забав, выделялась из всех других красотой лица. Но и Дуня теперь не задержится в сердце Егора. Властвует там одна единственная хозяйка и утвердилась на веки вечные. Свет она закрыла для Егора. Нет для него теперь других красавиц, к ней одной устремлены все думы.

И Егор пытается заговорить с братом Павлом, расспросить его об Анюте. Долго ему это не удается, вот Ефим дает им по длинной жерди, предлагает воткнуть в лунки и ждать, пока другие братья тоже воткнут в лунки жерди, тогда Ефим свяжет их наверху, образует тем самым крышу риги.

— Приглянулась тебе Аннушка? — спрашивает Павел потихоньку.

— А ты давно ее знаешь? — отвечает Егор приготовленным вопросом.

— Как не знать! Она еще в позапрошлом году, как только ты уехал, приходила к нам в лапту играть. Бьет, как парень. И бегаёт прытче всех. А ты что небось втрескался?

— Егор крутит в руках жердину, равняет ее по другим. Чувствует, как пылают его щеки. В сторону Павла он не смотрит, и ни о чем его больше не спрашивает.

К полудню приходит мать. Хозяйским глазом осматривает остов риги, хвалит сыновей за мастерство и аккуратность. Егору говорит:

— В шахте, поди, всему учат. Будешь мастером на все руки.

— Он уже и сейчас смекалистее нас, — замечает немногословный, нешустрый Иван. — Разве что Ефиму уступит.

— Будет болтать, — обидчиво говорит Ефим. — Собирайте инструменты.

Братья собрали топоры, пилу, в тугой сноп связали стружки, пошли домой. Егор с матерью приотстал, говорил о том о сем, а думал о своем: примерился, как бы подступиться к трудному разговору. Материнское сердце учуяло сыновнюю тревогу.

— Ты штой — то нынче спать не приходил?

— Гулял я, мам, с девицей тут одной.

— Поди, не нашенской, не гаврилоаской.

— Не, не нашей, — говорил Егор, чувствуя, как все ближе к главной точке подходит разговор.

— С Анютой, поди, гулял?

— Угу.

Даже за ушами Егор ощутил тепло прилившей крови.

— А как она, ничего девица? — выговорил Егор.

— Сиротка она, трудящая. — Сиротки — они все к труду прилежные, потому как некому за них хлебушек добывать. С теткой она живет да еще с какой-то бабкой. Ничего девка, видная. И плохого о ней никто не скажет.

Полегчало от этих слов в груди Егора. Повеселел он, приободрился. И чтоб не мучить себя, не терзать тут же и подступился к главному:

— Благослови нас, мама.

Марфа Михайловна даже приостановилась от неожиданности.

— Так уж и жениться! Не знамши, не гадамши. Погулял бы с ней, присмотрелся. Невеста не шарф ее выбирают на всю жизнь. А жизнь прожить — не поле перейти. Да и обувь — одеть у нее нечего. Нив летнюю дорогу, ни в зимнюю.

— Купим одежонку, заработаю я. Вот справил себе, — возразил Егор.

— Ты парень, а она невеста. Ей и от людей будет совестно. Ни постельки нет, ни платьишка. А ведь девичье — то самолюбие и у нее есть. У бедного человека совесть чувствительнее бывает. Пощади ты хоть ее, горемышную, не вводи в конфуз. Вот принарядится, тогда и сватайся. Жизнь теперь налаживается, бог даст, и Анюта твоя разживется.

Егор не возражал. Знал он, как сильны и живучи в деревне обычаи старины. И хоть не отказался от мысли увезти в Донбасс Аннушку, но говорить об этом не решился. Не хотел обижать мать, да и поразмыслить обо всем не мешало.

Вечером за ужином как-то сам собой вновь зашел разговор об Аннушке. На этот раз мать говорила еще мягче, еще уважительней в адрес Аннушки, но не советовала Егору торопиться. Братья держали сторону матери. Иван, решивший окончательно ехать с Егором, сказал брату:

—Подсоберем деньжонок, вышлем Анюте, она и приедет.

Эта мысль понравилась Егору, и он сдался.

— Ладно, будь по-вашему! — стукнул кулаком по столу. — В следующий год приедем с Иваном в гости, тогда женюсь.

На том и порешили.

8

Дядя Емельян встретил второго племянника приветливо. Хоть и тесно было жить в землянке, но шахтер радовался новому пополнению. Ходил под низким мазанным потолком, побрякивал, говорил:

— Это, Егор, хорошо, что ты Ванятку привез, теперь на нашей шахте целая династия Лучкиных будет. Опять же и Иван свой человек. Корнями-то он тоже в лучкинский род уходит: дед его и наша бабка сродниками были.

Никогда раньше дядя Емельян не говорил о родственных связях семьи Михеевых с семьей Лучкиных теперь почему-то заговорил. И такого довольства в голосе дяди, и гордости Егор не слышал. Дядя всегда был сдержан, даже скуповат на слова, сейчас разговорился.

—В забойщики его, только в забойщики ладь, — наставлял он Егора и уж в который раз с одобрением оглядывал крепкую фигуру Ивана.

—Не возьмут сразу, — сомневался Егор.

—А ты изловчись. Поймай начальника шахты поддобрую руку да упроси. Парень, мол, смиренный, работающий, да силушкой господь бог не обидел. Начальник шахты Василий Алексеевич — человек хороший покладистый, только о добрый час к нему подгадать надо. Ежели не в духе - не подходи. Ни за что заругает.

Дядя Емельян вспомнил недавнюю перепалку с начальником шахты и оттого не хотел просить за Ивана, а посылал Егора. В тайных мыслях тревожился дядя Емельян, боялся, как бы он не припомнил им мимолетную ссору при определении в дело Ивана, да уговаривал: «Одинцов зла не попомнит, не такой человек. И снова принимался наставлять Егора:

—Ты к нему с теплым словом подойди: так, мол, и так, Василий Алексеевич, помочь надо братишке. Совсем захирел он в деревне.

За ужином дядя Емельян поучал, как надо работать в шахте. Щедр он был сегодня на советы. Особенно после второй или третьей стопки. Крепко сжимал кулаки, постукивал в такт словам по столу:

—Шахтер не то, что плотник или другой какой наземный мастеровой. Ни света тебе, ни воздуха, ни встать, ни сесть. Как хочешь, так и колупай его, сердешного. А он, уголек-то, - камень. С породой намертво слился. Стучишь-стучишь обушком, а он только искорки высвечивает. Тут сила нужна и характер. Да характер, чтоб мать-земля от тебя отступала. Мильоны тонн над головой, а ты держи. Ослабишь — жамкнет, и крышка.

Дяде Емельяну было в то время далеко за пятьдесят. Другие шахтеры в его годы на пенсию уходили, а он держался, как старый дуб. На лице, на руках залегли глубокие морщины, в них чернели полоски угольной пыли.

И пьянел дядя Емельян теперь быстрее. Выпил несколько рюмок, поговорил с ребятами, пошел спать, того и надо. Вышли они на улицу, прошлись в один конец, в другой - и все молча. Думали об одном и том же: как-то сложится жизнь на шахте еще одного представителя рода Лучкиных?..

9

Во второй половине дня, когда горячка в шахтной конторе спадала, Егор вошел с Иваном в кабинет начальника шахты. Одинцов смотрел на них в упор, будто не видел вошедших. Он с ожесточением водил кулаком по столу и что-то шептал себе под нос.

— Можно, Василий Алексеевич? — несмело спросил Егор.

— Что можно? — очнулся от дум Одинцов.

— Войти, — сказал почти шепотом Лучкин — старший .

Одинцов откинулся на спинку кресла, заговорил строго:

— А ты почему, братец, говоришь так тихо?

Егор вспомнил наставления дяди Емельяна «Изловчись, уприси» и заговорил так, будто в комнате лежал умирающий.

— Да ты что, Лучкин, милостыню, чтоли у меня пришел просить? Как ты разговариваешь с начальником?.. Где твое горняцкое достоинство? А?.. Говори где?..

Начальник шахты вышел из-за стола и наступал на Егора, точно собирался с ним драться. Егор отступал то вправо, то влево, Иван и совсем подался к двери и уж за ручку взялся, но его остановил Одинцов:

— А ты куда тикаешь? Начальника спужался?..

И снова к Егору:

— Я что тебе, жандарм какой или ваше благородие?.. Ты это, Лучкин, брось свои деревенские замашки!.. Господ теперь нет, жандармов тоже. Спину пора разогнуть. Помни: ты рабочий человек! Хозяин, творец! Ходи по земле прямо, говори смело, ясно — не проси, а требуй! Свое требуешь, не чужое. Понял?..

Егор согласно закивал головой. Иван, отступивший к двери, тоже кивал головой, хотя толком так и не понял, что это взбеленился начальник шахты. Егор вроде ничего худого не сказал, и он. Иван, молчал покорно, а начальник разошелся. «Шебутной какой-то, ей-богу». — подумал Иван. И выглянул из-за плеча брата. Начальник словно того и ждал:

— Брат что ли? — спросил Егора. И, не дожидаясь ответа : — Тоже в шахту хочет?.. Не надо нам больше рабочих. Даже лишние есть. Скоро отбойные молотки будем получать, так тогда и вовсе много лишнего народу окажется. Не надо!..

Начальник говорил так горячо, что Егор не стал упрашивать. Он машинально взял Ивана за руку и направился с ним к двери, но Одинцов окликнул:

— Брат, что ли?

— Ага, — кивнули Лучкины.

— Из деревни?

Лучкины снова кивнули.

— Много же вас там понастругали. Давай заявление!

Одинцов протянул руку.

— Заявления нет, — промямлил Егор.

— Ну вот! Тоже мне!..

Одинцов вырвал из блокнота листок, занес над ним карандаш.

— Кем хочешь? — спросил строго. Теперь уже начальник смотрел на Ивана.

— В лаву, — ответил за него Егор.

Одинцов хотел было что-то написать, но еще раз поднял голову, оглядел парня. Чуть заметно и, как показалось Егору, по-родственному улыбнулся. Написал два слова: «Принять лесогоном!» Протягивая бумажку Ивану, сказал:

—Это хорошо, когда на шахте два брата. Потом будет много вас, Лучкиных. И гордость у вас появится своя, лучкинская. — Подошел к Егору, взял его локоть, сказал: — Понял, Егор, - лучкинская! А ты спину гнешь.

—Ясно, Василий Алексеевич, — сказал Егор громко.

—То-то. А теперь марш в лаву! — И Одинцов любовно подтолкнул братьев.

10

В лаве братья были вместе: Егор обучал Ивана, рассказывал, что и как называется, показывал ходы выходы. Ему было приятно сознавать себя в роли учителя. Казалось, что в шахте он работает всю жизнь, знает ее вдоль и поперек, может научить любого горняцкому делу. Сегодня он впервые чувствовал себя таким важным и умным, будто открыл в себе нового человека - такого, о котором и не подозревал. И это не только потому, что ему впервые поручили роль - вожака, — нет, не случись этого, он бы все равно испытывал подъем духа, какое-то новое, не вполне осознанное, но приподнятое настроение. «Ты рабочий человек хозяин!..» - сказал ему начальник шахты, и это его поразило. Впервые он почувствовал себя не просто Егором Лучкиным, а человеком, к тому же не обычным человеком, а нужным, важным - уважаемым человеком! Вот уж чего он не подозревал раньше и вряд ли бы поверил, если бы ему сказал об этом кто-нибудь другой, а не начальник шахты.

Иван оказался понятливым учеником, расторопным. Он быстро освоился в лаве и передвигался по ней с охапкой леса, как заправский лесогон. Через два-три часа работы Иван уже знал, к какому месту штрека подвозится лес, как его там разбирают, по каким местам разносят. Когда он уже «протопал» в лаве свои собственные тропинки, облюбовал уютные местечки для кратковременных передышек, к нему подлез в лаве начальник участка Гурий Алексеевич Кондюков, взял за рукав куртки, потянул за собой. Егор видел их. Он смотрел любопытством за ними и вскоре понял, какую роль предложит Ивану начальник участка. За уступом, где скрылись Кондюков и Лучкин - младший, рубал уголек старый опытный забойщик Иван Степанович. Егор не знал его фамилии, но слышал, как горняки почтительно его называют: «Иван Степанович». И еще знал Егор, что Иван Степанович «рубил уголек еще в прошлом веке», он так умеет его рубить, как никто другой на шахте, а может быть, и во всем Донбассе. В последнее время начальник участка нет-нет да приставит к нему молодого парнишку - то ли для науки, то ли подручным для помощи старику. Трудно пожилому человеку уголь рубить и за собой крепить призабойное пространство, особенно, если забойщик опытен, много дает уголька. А Иван Степанович всегда давал много уголька. Егор не однажды наблюдал за его работой, старался понять секреты забойного искусства. А секреты есть. Как и во всяком деле, так здесь, а может быть, здесь их больше и они глубже спрятаны. Вон как говорит об угле дядя Емельян: « С породой намертво слился». Не каждый его скоро раскусит. Иной стучит-стучит обушком, а уголек держится. «Мука» сыплется, а чтобы глыбки валились - того нет.

Иван Степанович заметил любознательного парня и однажды подозвал Егора:

—А ну-ка, возьми обушок. Не так, не так - вот так держи. Ну, попробуй, а я на своих бревнышках посижу.

Егор стал неловко ударять обушком по выступившей вперед глыбе угля. Стучал минуту, две, пять минут - отковырнул лишь несколько кусочков.

—Что ты теперь скажешь, молодой человек: легкая работа у забойщика или не очень? — спросил Иван Степанович, беря в руки обушок.

— Трудная, — признался Егор, вытирая вспотевший лоб и размазывая на нем угольную пыль.

—А по мне — так ничего, и совсем нетрудная.

Иван Степанович стукнул раз-другой, несильно стукнул — и уголек повалился большими кусками.

—Видел? — спросил старый горняк.

—Как не видеть! Вы какие-то места в угле выбираете, вот он и валится.

—Не какие-то, а слабые места выбираю. Знаешь пословицу: где тонко, там и рвется. Тут тоже так. А как же?—спросил себя мастер. И сам себе ответил: Лоб у него крепкий, а шея тонка. А есть еще места, где связь целого нарушается. Вот эти места видеть надо. Рубанул разочек-другой, а уголек-то, вишь, и посыпался, будто кто его изнутри выпихнул. Разумеешь?..

Егор тогда хотел попросить обушок и еще раз попробовать, но постеснялся. Однако был уверен, что теперь, после рассказа Ивана Степановича, он бы совсем по другому уголь рубил.

Вот к этому-то Ивану Степановичу и направили Лучкина- младшего. Егор про себя одобрительно заметил: «Ивану с первого дня везет. Это хорошо. Пусть посмотрит, как настоящие мастера рубают».

Кондоков, возвращаясь от Ивана Степановича, крикнул Егору:

—Лучкин! К Меченому вниз давай! Сегодня ребята рекорд ставят, помоги крепить.

Закреплять кровлю не входило в обязанности лесогона, эту нелегкую работу выполняли сами забойщики, но раз велит начальник участка, значит, так надо. Лесу в лаве хватает, сверху ребята еще подбрасывают — можно и кровлей заняться.

Меченый работал в самом низу: до откаточного штрека от него рукой подать. Егор подлез к забойщику сзади, так что тот не видел его и, как ни в чем не бывало, продолжал рубить уголек. Работал он с напором, каждый раз при удачном срубе задорно приговаривал, будто уголь был живой и забойщик с ним спорил.

Егор подтащил стойку и поставил ее в месте, которое показалось ему опасным. Когда он пристукнул по дереву топором, Меченый оглянулся, весело сверкнул белками глаз.

—Эй, парень! Отчего ты такой вежливый, как я погляжу? Все ли твои дружки - лесогонщики такие добрые могут быть?

Меченый —прирожденный одессит, он говорил тем языком, каким говорят только в Одессе: не просто, не прямо, а как-то кручено и непонятно. Если одессит ненавидит вас и намерен исколотить, он все равно предварит свое намерение длинной подслащенной фразой.

Егор дивился его странной речи, не понимая, так говорит почти вся Одесса.

—Меня Кудюмов послал. Помогать...

А-а-а... Вот ты какой хороший!..

Меченый вдруг прервал свою речь, подошел к Лучкину, сердито выпучил на него белки глаз. Сквозь зубы процедил:

—Зоське будешь делать амур, а может быть, пождешь? А?.. Или хочешь со мной кашку заварить, но кто ее будет расхлебывать?.. Кому придется зубки по тротуарчику собирать да красными слюнками харкать, а?..

Пусти ты!—рванулся Егор, да так, что Меченый откинулся спиной на стойку.

— Ну, ну, — примирительно заговорил одессит. — Что-й то ты такой беспокойный сделался, или тебя собака бешеная лизнула?.. Ша, приятель. Я пошутил.

Меченый поднял обушок и полез к пласту. Он оглянулся, подмигнул Егору и приступил к делу. Лучкин тоже взялся устанавливать стойки. Скоро он закрепил лаву над головой одессита,

сказал ему: «Чтоб больше не баловать!» — и полез вверх. Ему не терпелось посмотреть, как работает его брат Иван.

В этот день большинство забойщиков выдало на-гора по три «коня» — в полтора раза больше нормы. Иван Степанович едва нарубил два — среднюю норму шахтера. Выходя из шахты с братьями Лучкиными, он сказал:

— Нездоровится мне сегодня, а то бы мы им показали.

Иван Степанович кивнул своему младшему тезке, положил ему руку на плечо. Еще сказал:

— Хорошо начинаешь, тезка. Выйдет из тебя шахтер.

Братья проводили старого горняка до дому.

11

Пневматический отбойный молоток — не ракета, у него и вид, и задачи поскромнее. Однако, когда на шахту № 5 имени Ленина пришла весть об отбойных молотках, шахтеры восприняли ее, как нечто необыкновенное и поразительное. В лавах, штреках, на улицах Горловки шахтеры стихийно собирались группами, обсуждали волнующую новость.

—Конец обушку приходит!

—Послужил, хватит.

—А этот самый... отбойный молоток, — не спасует перед угольком?.. Уж очень «мотор» у него слабоват, говорят, от воздуха приходит в движенье, а воздух, известное дело: какая в нем сила!

Те, что пограмотнее и смышленее, замечали:

—Воздух в нем сжатый, только держись — всю душу вытрясет.

Меченый по-своему воспринял намечавшуюся в горном деле техническую революцию:

—Братцы, ша! Скоро мы Одессу будем видеть не так, как Егор Лучкин видит свои уши. При содействии отбойного молоточка мы себе вернем одесскую прописочку.

Позже Егор Лучкин узнал, что Меченый, как и его три дружка одессита, работавшие на шахте, были лишены одесской прописки за тунеядство и хулиганство. Начальник милиции им сказал: «Исправитесь на работе, получите хорошие характеристики, тогда снова примем вас в Одессу».

Вот и приехали четыре одессита на шахту № 5. Было это в трудном двадцатом году. С тех пор исправились одесситы, заслужили добрую славу, но в Одессу ехать отказались. Приворожила их шахта на веки вечные. Здесь они нашли себе подруг, поженились, обзавелись квартирами, хозяйством, только Меченый до сих пор не сумел свить гнездо. Нравилась ему Зося, только ей он мог вверить свое сердце, но бедовая девушка не хотела идти за него замуж. Меченый говорил: «На что Одесса имеет капризный характер, а и то со мной компанию водила. Но ничего: Зосичка — не шаланда, в море не уплывет».

Сидели горняки в лаве, освещивали огоньками «шахтерок», думали свою думу. Иван Степанович поворачивал в руках обушок, молчал. Не мог он себе вообразить отбойный молоток: что за диво, как им рубать уголек? Начальник шахты показывал рисунок, объяснял действие молотка — вибрация, дескать, частые удары, но старый шахтер так и не уразумел, как эта «вибрация» будет действовать у него в руках. Они ведь, руки, не железные. Металл выдержит вибрацию, а руки?..

Скоро горняки увидели «живые» отбойные молотки. Вид у них внушительный, рукоятка блестит. На черной пластинке — нерусское слово: «Флотман». Молотки немецкие, своих пока не было.

Из Ленинграда приехали мастера, стали налаживать систему воздухопровода. Шахта в это время заметно снизила добычу — много сил пошло на реконструкцию, надземные и подземные работы. Пришлось из среды лесогонов, забойщиков выделить слесарей. Выделяли самых смекалистых, мастеровых. Устанавливать воздушный компрессор ленинградцам помогали доморощенные слесари — Быков, Гришаев, Бжевский, Подручным у Быкова был Егор Лучкин. Вот уж нагляделся он чудес! Видел, как электрический мотор запускают в дело, как прокручивают компрессор. В диковинку все было парню. Он хоть уж давно не считал себя деревенским, но с машинами дела не имел. Каждый вечер, возвращаясь домой, рассказывал Ивану о чудесах техники. Иван к тому времени женился — с дочкой старого горняка Ивана Степановича Прасковьей соединил он свою судьбу. Но жили братья недалеко друг от друга, часто ходили в гости. До поздних вечеров засиживались они на бревне возле землянки молодоженов. Егор рассказывал о машинах так, будто в них он открыл новый мир и мир этот полон волшебства волнующих тайн.

Компрессор установили раньше намеченного срока. Воздушную линию в лаву тоже провели быстро. Слесари совершили настоящий трудовой подвиг, но о них говорили мало. Все ждали первого дня добычи отбойными молотками. Наконец настал он, знаменательный день, когда обушок, царствовавший больше сотни лет в угольных рудниках, впервые оказался не у дел.

12

Надо ли рассказывать, как был счастлив Егор Лучкин, когда Анна Павловна Орехова, откликнувшись на его приглашение, приехала в Горловку, и наши молодые друзья стали наконец мужем и женой. Егор испытывал то самое состояние, которое делает человека и лучше, и выше, и сильнее. Наверное, в жизни каждого человека бывают дни, когда его заветные желания, которыми душа томилась много лет, сбываются в один какой-то момент и преображают всю жизнь, делают человека другим. Он как бы взлетает на вершину, с которой открывается сияющий и прекрасный мир. Егор испытывал именно такое состояние. Радость дополнялась еще и тем, что он приобщился к машинам, стал слесарем, специалистом. Не мог он не заметить, как люди, встречаясь с ним, стали и внимательными, почтительными. Старые горняки охотно отвечают на приветствие, заводят разговоры, молодежь держит себя с Егором не так развязно, как прежде. А Меченый, узнав о женитьбе Егора, пришел со своими одесситами в новый дом Лучкиных, поздравил молодоженов, подарил им низку сушеных черноморских окуней. Напутствуя молодых, сказал: «Пусть вам так же хорошо живется, как тому одесскому портному, который шьет костюмы иностранным королям. Ша, ребята! Не будем нарушать идиллию новорожденной любви. Как говорил артист Шмага в пьесочке Астровского: «Наше место в буфете».

А когда Егор и Анюта пригласили гостей к столу и стали угощать их, Меченый наклонился к уху Лучкина, горячо зашептал: «Мои ребята надеются, что Егорчик не будет теперь смущать мою Зосичку».

Друзья обнялись и долго смеялись — больше над тем, что никто из присутствующих не мог понять причину их смеха.

По случаю свадьбы, да и в связи с окончанием реконструкции шахты, начальник участка отпустил Егора на три дня. Егор справлял главный праздник своей жизни. На третий день после свадьбы молодожены пришли на шахту, где встречали первых рыцарей отбойного молотка. Шахтный двор кипел празднично разнаряженной толпой свободных от работы горняков, их жен, детей; были тут представители от городской партийной организации, от комсомола, от других шахт рудников. На праздник шахты приехали даже из Москвы.

Посреди двора была установлена импровизированная трибуна, вся обтянутая красной материей, вся в цветах. Кто-то из конторских то и дело бегал в диспетчерскую, а затем возвращался с бумажкой в руках. Выходил на трибуну и зачитывал последние данные о добыче отбойными молотками

—Максим Колозинский дал пять «коней»!

—О-о!.. — прокатывалось по двору. — Двенадцать с половиной тонн! Это, братцы, не фунт изюма.

Конторский еще раз сбегал в диспетчерскую и снова взбежал на трибуну:

—Иван Гуреев — шесть «коней»!

—О-о!.. — гудело еще громче.

—Тимофей Великий — пять «коней»!..

Смена подходила к концу. Народу во дворе становилось все больше и больше. Казалось, сюда пришла вся Горловка и ждет появления чуда. Все смотрели на дверь копра, из которой должны появиться герои дня. Играл духовой оркестр, звенели голоса детишек, толпившихся стайками среди взрослых. Кумачом горели красные галстуки, благоухали букеты цветов. Не все ясно отдавали себе отчет в происходящем, но волнение передавалось от одного к другому, и оно нарастало по мере того, как приближался момент встречи с людьми, которым выпала честь начинать новую эру в жизни угледобытчиков, дело которых затем распространится по всем шахтам страны. Страна в то время остро нуждалась в угле. Закончился период разрухи, хозяйство было восстановлено, заводы и фабрики давали продукции больше, чем в довоенные годы. Но настало время осуществления грандиозных планов, строительства жизни, ради которой совершалась революция. Страна как бы подошла к той черте, от которой начнется ее стремительный бег. Нужна была энергия—это уголь. Вот почему так взволнованно стучали сердца людей. Горняки знали: сюда, на шахту имени Ленина, обращены взоры миллионов.

Появились герои. На плечах они держали отбойные молотки, свободной рукой приветствовали встречающих. Тут же были начальник шахты, начальник участка, мастера. Духовой оркестр заиграл встречный марш, к забойщикам подбежали пионеры, вручили цветы. В шуме музыки, в громе рукоплесканий, в цветах они поднялись на трибуну, подняли вверх молотки. Их, пионеров новой техники, было трое: Иван Гуреев, Максим Колозинский, Тимофей Великий. Отбойным молотком он в три раза перекрыли прежние нормы добычи— дали по двенадцать-пятнадцать тонн угля за смену. Пройдет время, и на том же отбойном, но уже отечественном молотке Алексей Стаханов в шесть-семь раз перекроет и эти рекорды, но его рекорда не было бы, если бы первые мастера отбойного молотка на горловской шахте имени Ленина не показали горнякам преимущества новой техники.

Словом, это было время пионеров. Советские люди шли непроторенными дорогами. Они творили удивительные дела, не зная того, что и сами они люди удивительные. От тех первых лет пошел могучий дух нового человека.

Братья Лучкины, поддаваясь всеобщему восторгу, обнимались. Их жены, тоненькая стройная Параска и стеснительная Анюта, тоже радостно жались друг к другу в предчувствии чего-то большого и важного.

Дни утверждения новой техники в горняцком деле были в то же время днями утверждения на донбасской земле шахтерской династии Лучкиных.

О войне, начавшейся в 1941 году, написано много книг. Наверное, еще больше напишут о ней потомки. В истории каждого народа есть вехи. По ним народ как бы примеряет свой путь, на них он смотрит то с грустью и сожалением, то с гордостью.

Смерч войны катился по нашей земле. Он уже обрушился на донецкие степи...

Горняки Донбасса получили директиву: шахты взорвать, самим идти в тыл, на восток.

У Егора Лучкина было четверо детей: Виктору двенадцать лет, Михаилу — девять, Лизе — шесть, Александру — четыре.

Прощаний не было. В день, когда Егору уходить, он по очереди подержал на коленях ребят, посоветовал им слушаться мать. Как бы между прочим сказал:

— Меня может долго не быть. На другой шахте буду работать. — Успокоительно добавил: — Не навсегда, конечно. Пока идет война. Нашу-то шахту взрывать будут.

Егор Афанасьевич хотел, чтобы основные дети знали от него самого. Украдкой взглянул на старшего — Виктора. Тот глаз не сводил с отца. Слушал и понимал: отцу нельзя оставаться с ними. В том же дворе, где несколько лет назад горняки встречали своих первых героев, собрались они накануне черного дня оккупации. Только на этот раз не было оркестра, не было цветов.

В шахте и на поверхности деловито суетились взрывники. Ими руководил главный инженер шахты Эмилиит.

Горняки уходили с шахты.

Сколько их собралось во дворе? Триста, четыреста человек? Может быть, пятьсот. Никто не считал их, не составлял списков. Уходили все, кто не был призван в армию, но кто мог трудиться или держать винтовку.

Уходили нестройной толпой. Не было песен, не было знамен. Болтались за спиной котомки, у некоторых в руках были палки.

Старались выйти незамеченными, искали кривые дороги, безлюдные места. Надобности в этом не было, а так хотелось,

Егор завидовал брату Ивану, тот был в армии, тому хорошо.

Десятник шахты Степан Бекетов был назначен старшим, Коммунист, старый горняк, он грузно и не торопясь шагал впереди. Команд не подавал. Только время от времени отходил в сторону, смотрел, высоко подняв голову, на строй, а точнее сказать, на толпу идущих за ним людей. И снова заходил наперед, занимал мест командира.

Шли на Восток. Может быть, чуть левее, чуть правее. Компаса не было. Курс держали по солнцу, ночью — по луне.

Заночевали в бывшей помещичьей усадьбе, теперь она почему-то называлась «Юнком». Ночевали, но не спали. Не до сна было. Думали-гадали: куда идти, кто и где нас ждет?

На заре слышали артиллерийскую стрельбу или разрывы бомб — далеко, неясно ухала война. Кто-то сказал:

—Горловку бомбят!

Ему возразили;

—Похоже на артиллерию. Уж не подошли ли? Егор лежал на полу, подстелив под голову клок соломы. При слове «артиллерия» сел, в волнении запустил пальцы в шевелюру. Думы о семье не давали покоя Лучкину. Да только ли Лучкину! У каждого дома остались жена, дети. Солдат может заглушить в себе думы о доме. Ведь у солдата есть ружье. Солдат видит перед собой врага. А они?..

Весь следующий день проколготились без толку. Орудийная пальба слышалась явственней, люди волновались. Какой-то мотоциклист, проезжавший по дороге, оглушил вестью: немцы окружили район Горловки, путь на восток отрезан. И горняки, как потревоженный улей,

зашумели наперебой. Одни предлагали быстрее двигаться на восток, другие — свернуть левее, а третьи ругали ораторов, но сами ничего не предлагали.

В спорах и суете прошла еще одна ночь. Утром заметили: кое-кто улизнул в неизвестном направлении. Немногие, правда, но ушли. Это подействовало самым удручающим образом.

Одни говорили:

—Подлецы!

Другие возражали:

—А кто знает, что у них на уме! Может быть, они подались разыскивать свои войска? А может, плюнули на нас, решили скорее пробираться в тыл, к своим.

И снова шумели:

—Кто знает, где они теперь — свои-то! Может, и впрямь немец окружил нас, клином зашел. Пойди зверю в лапы!

Все-таки двинулись на восток.

Галдели, как грачи, по дороге. По-прежнему впереди шагал горняк-коммунист Бекетов, но теперь он не останавливался, не осматривал свое «войско», а шел и шел, опустив долу седую голову.

Следующую ночь провели в заброшенном сарае совхоза, —кажется была еще Донецкая область. В ночном небе летели взад-вперед самолеты. Чьи? Неизвестно. Тогда еще мало кто умел определять их по шуму моторов. Выходили из сарая, долго смотрели небо. И молчали. Говорить было не о чем. Теперь артиллерийская пальба доносилась со всех сторон. И самолеты кишели в небе. Где наши, где немцы — ни кто не знал.

Степан Бекетов, как командир, должен был придерживаться буквы приказа. Но он краем уха слушал и горняков, обдумывал предложения. Идея создания партизанского отряда ему нравилась. Но во-первых какие могут быть партизаны на родной, никем не занятой земле? Ведь никто же им не сказал точно, что она оккупирована. А во-вторых, где взять оружие? У немцев? Но где они?..

Смущало и еще одно обстоятельство: донецкие степи созданы не для партизан. Здесь все пространство просматривается от горизонта до горизонта. В Соловьиную балку запрячешься? Но балки могут оказаться мешками, а не убежищем.

Довод этот, словно холодный душ, действовал на разгоряченные головы. Даже самые рьяные сторонники идеи партизанского отряда сникали при взгляде на гладкую, как тарелка, донецкую степь.

Так прошел еще один день. Ночью за селом, в котором остановились горняки, заухало, загрохотало. Снаряды разорвались совсем близко. Перепуганные бабы металась по деревне, кричали: «Немцы!» Горняки тоже бегали по домам, искали друг друга. Кто-то подался в одну сторону, кто-то в другую. Егор пристал к группе, решившей идти домой.

Скоро он снова оказался в Горловке, на родной шахте.

В городе хозяйничали немцы.

14

К Горловке подошли ночью, разделились. Двое пошли к поселку «Заводская колония», один—к железнодорожной станции, а Егор Лучкин обогнул Никитовскую слободу, вышел к поселку шахты имени Ленина. Шел окольными путями, старался не заходить в населенные места, далеко огибал заводские дворы, шахтные застройки. Выходя на пригорки, останавливался, прислушивался к звукам поверженного во мрак города, оглядывал силуэты маячащих на фоне темного неба заводских труб, градирен, башен-элеваторов, надшахтных зданий. Все хранит

жуткую тишину. Ни огонька, ни звука. Да есть ли тут кто-нибудь? Остался ли в живых хоть один человек?..

Выйдя из-за крайнего дома своего поселка, увидел вдалеке на улице двух солдат. «Немцы!» Они удалялись к площади, на которой расположены гастроном, трамвайное кольцо, киоски. Егор согнулся, перебежал пустырь, спрятался за домами. Дальше шел осторожней, прячась и оглядывая все вокруг.

Домой пришел во втором часу ночи. Анна Павловна не удивилась, провела мужа на кухню, накормила. Свет не зажигали, говорили шепотом. Жена рассказала, как взорвали шахту, как немцы и итальянцы, захватившие город, ищут рабочих, требуют восстановить все заводы, фабрики и шахты. Коммунисты пишут листовки, призывают бить оккупантов, вредить им на каждом шагу. Шестерых партийцев поймали, бросили в шурф — Михаила Егурнова, Филиппа Дейнеку, Павла Поветкина, а еще Смагина, Никитина. Женщину одну, — кажется Козину — тоже бросили в шурф.

— Да, дела невеселые, — сказал Егор.

И потянулись для Егора Лучкина тягостные, мучительные дни. На немцев он работать не хотел, кормить семью нечем. К тому же приходилось прятаться и скрываться. Благо, что на поселке у них стояли все больше итальянцы. Тоже, конечно, оккупанты, но с немцами не сравнить: лютости особой не проявляли, занимались в основном собой.

Так или иначе, но не мог оставаться Егор на поселке и ждать милости от бога. В январе 1942 года погрузил он на санки свой скарб, одел потеплее ребятишек и задолго до рассвета двинулся из Горловки. Путь лежал к родимым местам на Орловщину.

Может быть, со времен татарского нашествия не было в жизни нашего народа времени, более трудного, беспросветного и печального. Зима 1942-го шла по русской земле громовой кровавой метелью, океанским валом катились по родным полям бронированные полчища самого жестокого из врагов наших. Насмерть стоял солдат, защищавший Родину, великие муки приняли на себя и те, кто не попал в боевой строй, а, подобно пушинке, был подхвачен смертоносным ураганом и по воле сил, не понятных ему, не подвластных, закружился в этом адском круговороте.

Егор тащил по снегу санки, а жена его Анна Павловна вела за руку дочь и сынишку, свободной рукой подталкивала санки. Старший сын Виктор, кутаясь в материн платок и поправляя отцовскую шапку, тоже подталкивал сзади санки.

Вслед за ними поскрипывали на снегу вторые санки: то ехал вместе с Лучкиным на Орловщину брат Анны Алексей Павлович со своей многочисленной семьей.

Алексей тоже горняк, он идет на костыле — увечье получил на шахте.

Едут Лучкины тихо, нет у них сил для быстрой езды, к тому же они порядком устали. В сундуке, привязанном к санкам, разместились младший из Лучкиных Шурик и младший из Ореховых Юра. Им, пожалуй, лучше, чем другим. Только вот ножки затекли и есть хочется. В остальном хорошо.

Едут день, второй, неделю. Едут еще одну неделю, еще... В пути проходит месяц. Наступил февраль. Первый месяц зимы хоть и был холодный, но не донимал ветрами. Февраль же потянул через снежные поля белые змейки, завыл, засвистел метелями. Все пожитки пришлось превратить в одежду. В одеяла кутали детей, из платков делали портянки. Но как ни одевайся в февральскую стужу, а долго на поле не удержишься. Спешили к деревням, просились под крышу. И вот ведь душа русского человека! Редкий не протягивал руку помощи, не открывал гостеприимно дверь перед горестной ватагой. А впустит в дом, да еще и накормит. Не жирно, конечно, а чем бог послал.

Даже немцы — на что лютовали в первые годы войны, а и то, завидев печальную процессию, пропускали. Лишь немногие, которых снедала алчность, подходили к сундуку,

требовали открыть: добро искали. Но, завидев посиневших от холода, голодных детей, стыдливо отходили.

Ехали пятьдесят пять дней. На пятьдесят шестом остановились в поселке Большевик, что на Орловщине в Володарском районе. До родной Гавриловки—рукой подать, но негде было жить в Гавриловке. Решили осесть в соседнем поселке. Да и от глаз немецких подальше. На отшибе поспокойней.

15

Теперь вспоминаются как во сне годы оккупации. Может быть, и не было тех смутных годин? Может быть, действительно все это привиделось?.. Но нет, не выжмут из памяти страшных картин никакие годы. И хоть хорошо живет теперь Егор Лучкин, а нет-нет, да вспомнит сорок второй, задумается. Какой кошмар пережил, какую напасть!

Поселились в заброшенном доме, заколоченные окна открыли не полностью, а так, чтоб полоска света проходила, чтоб видеть друг друга.

Есть нечего, топить нечем — леса поблизости и тут нет, — что же делать Егору Лучкину? Смотрит он на голодных детишек, а помочь им не может. С утра до вечера бегает по родным и знакомым Аннушка, где хлебушком разживется, где квашеной капусты котелок достанет — все подмога. Как-то ночью в окно постучались. Егор вышел, у дверей стояли два парня. В полушубках, в теплых шапках. Знаков отличия никаких не было.

—Шахтер здесь живет?

Егор кивнул.

—Проходите в дом, ребята, погрейтесь,

—Недосуг нам у печки сидеть. Отвечай, шахтер, прямо: помогать нам будешь? Партизаны мы.

—Погодите, ребята, оденусь я.

Лучкин зашел в дом, накинул на плечи легонькое дырявое пальтишко. Вернулся к ребятам, смотрел на них испытующе. Кто ж их знает: партизаны они или еще кто? Как тут с ними говорить откровенно?

А они донимали вопросами:

—Почему не в армии?

—Болезнь легких у меня. Шахтерская, значит, и оставили.

Снова щупал взглядом незнакомцев. В темноте ни лиц, ни глаз не видно—попробуй загляни незнакомому человеку в душу?..

—Ты, папаша, посматривай тут: где стоят немцы, сколько их, на чем они ездят. А мы к тебе будем заглядывать. Понял?..

—Что ж, заглядывать можно. Для хороших людей двери не закрываем.

—Хитрый шахтер! — потрянул Лучкина за плечи тот, что стоял к нему поближе. —Только не проболтайся. Партизаны этого не любят.

Лучкин смотрел на него пристально, молчал.

—Как зовут-то? — спросил второй партизан.

—Егор Афанасьевич, Так заходите, ребята, — заговорил Лучкин весело.—Для хороших людей и чай найдется, и махорка.

Партизаны долго трясли горняку руки, прощались.

Утром к Лучкиным зашел немецкий староста — местный житель Пузанов. Протянул руку, сказал:

— Пузанов Алексей Тимофеевич.

Лучкин едва сдерживал ярость, глядя на человека, продавшего врагу. Предложил сесть.

— Чаю у вас не найдется? Озяб что-то.

Анны дома не было, Лучкин сам полез в печку, достал чугунок с горячей водой, налил в кружку, сахара не было. Пузанов, видя затруднение хозяина, понимающе качал головой, говорил:

Ничего, Егор Афанасьевич, обойдемся так.

Смотрел на Лучкина без злобы и величал его по имени-отчеству. Хозяин обратил на это внимание, насторожился. Украдкой взглядывал на гостя. А тот смотрел на Лучкина безотрывно, и, как показалось Егору, во взгляде его светилось что-то доброе, затаенное. Уж не помощника ли во мне ищете?»

Сидели на лавке, прислоненной к стене.

— Семейка-то у вас большая, — заметил Пузанов.

— Трудно приходится, а?..

Егор молчал.

— Приходи ко мне вечером, сыпану из сусека мучицы.

Егор и на этот раз не ответил.

— Думаешь, награбленная? — спросил староста. — Чужого не берем, хватит своего.

Пузанов был сильный, здоровый и молодой. Пожалуй, ему не больше тридцати. Почему же он не попал на фронт? Неужели уклонился? Или дезертировал?

Эти вопросы невольно возникали у Егора, но спрашивать, конечно, старосту он никогда бы не стал. Старался понять, что хочет от него этот человек? Какие беды принесет он в Егорову семью?

Хорошего Егор Афанасьевич ничего не ждал от старосты. Не такова у человека служба.

А староста донимал:

— Здоровые мужики немцам нужны — окопы рыть и в Неметчину.

«Так вот он зачем пришел!» — обожгла мысль. И с ненавистью подумал: «Креста на нем нет. Детишки со мной голодные, а что же они без меня будут делать?..»

Хотел сказать об этом старосте, но тотчас же решил: «Унижаться не стану. Да и проку в этом не видел. Холуй он и есть холуй. Одно слово!»

Еще подумал: «Махну к партизанам. Придут те ребята, а я с ними».

Староста словно подслушал его мысли:

— Ночью у тебе будто кто-то приходит, — не то спрашивал, не то угрожал.

Егор и глазом не повел. Будто не слышал.

— Верят они шахтерскому званию, — продолжал Пузанов. — Как прослышали, что горняк приехал, так тотчас пожаловали.

Пузанов подвинулся ближе, зашептал:

— Ты, Егор Афанасьевич, верь этим ребятам. Они тебя не подведут. А немцы к тебе претензий не имеют. Я от тебя все подозрения отвел, сказал, больной человек, туберкулезный — на шахте болезнь схлопотал. Комендант поморщился даже. Они, немчура, ох как больных не любят!

Егор смотрел на него с плохо скрываемым недоумением. В глазах его стоял вопрос:

«Так ты с кем же, с ними или с нами?»

И этот вопрос понял Пузанов:

—Да ты на меня, Егор Афанасьевич, не смотри так, — слезал он, прихлебывая горячую воду. — Я, как и те ребята, доверяюсь шахтерскому званию, признаюсь тебе: в старостах я хожу, а душу дьяволу не продал. Поживешь — увидишь.

Пузанов поднялся с лавки, протянул Лучкину руку.

С порога сказал:

—Ребятам верь. Не подведут.

С тех пор стало легче на душе у Егора: оказывается, и здесь можно быть полезным людям. Стал он чаще выходить теперь на улицу, приглядываться да присматриваться ко всему, что есть живого в видимой округе. Ночью приходили ребята — те же двое; Егор сообщал им новости.

Скоро уверился и в Пузанове. Большая душа оказалась у этого человека. Носил он на себе нелегкую кличку, а служил своим родным людям. Говорил мужикам, когда нужно прятаться от немцев, укрывал девушек, помогал немощным старикам. Ни одного человека не дал угнать в Неметчину. Зато и били его потом гитлеровцы. Офицер кричал: «Где мужики?» Ответ был один: «Не знаю, не видал».

Где теперь Алексей Тимофеевич Пузанов? Земной поклон вам от шахтерской династии Лучкиных.

16

Ребята в полушубках приходили редко — два раза в неделю, иногда ни разу. Егор рассказывал о солдатах, которых он видел, о подслушанных разговорах. Время от времени Лучкина а навещал Пузанов, мимоходом сообщал ему новости о передвижении войск, по несколько раз повторял названия сел, местечек, где скапливались подразделения немцев, части. Егор все запоминал, а потом передавал ночным посетителям. И все-таки Егор томился мыслью, что не принимает непосредственного участия в войне. Отовсюду шли слухи о боях на московском направлении, ленинградском, рассказывали о подвигах советских людей, о героях, а он, Егор Лучкин, еще не держал в руках винтовки.

Однажды сказал ребятам:

—Дали бы мне дело посерьезнее.

Партизаны задумались. А не поручить ли шахтеру какое-нибудь горячее дельце?..

Высокий и сутуловатый сказал:

—Вы, Егор Афанасьевич, очень нужны нам наэтом месте.

В тот раз никакого горячего дела они Лучкину не поручили. А в другой раз пришли на рассвете, заговорили наперебой:

—Есть дело, дядя Егор! Сегодня или завтра мимо вашего поселка будет двигаться мотоциклетный батальон. Может быть, немцы пройдут другой дорогой, но, наверное, они вас не минут. Так вот вам задача: как только немцы появятся в поселке — зажечь на дереве костерок. Заранее наложить туда сушняка—вроде вороньего гнезда, значит, — облить керосином, а когда приспееет момент, зажечь это сооружение. Вот вам и горячее дельце. А?

—На каком дереве? — спросил Лучкин.

—На сосне у Нефтяного яра.

Егор знает сосну у Нефтяного яра. Это в километре от того луга, где он познакомился с Аннушкой. На эту сосну он взбирался в детстве. А Нефтяным это место называют за то, что у самого основания размытой весенним половодьем породы на глинистых полосах там выступает

жирная, сверкающая на солнце, нефть. Еще старые люди писали в Москву бумаги, предлагали пробурить скважину в том - месте, но ответа никакого не было. Видно, не верили ученые в возможность существования в Орловской области нефти. Или нечем было бурить, — так или иначе, но местом этим так никто и не заинтересовался.

Егор, конечно, согласился помочь партизанам.

И как только они ушли, налил в пузырек керосину, пошел к Нефтяному яру. Не прошло и часа, как он взгромоздил на дерево воронье гнездо. И вернулся домой. Немцы ждать себя не заставили. Они появились в поселке утром. На машинах и мотоциклах. Немцев было много, одеты в новенькое обмундирование, машины и мотоциклы поблескивали свежей покраской. Видно, вновь сформированная часть. И направлялась к линии фронта.

Егор выбрался за огороды еще в те минуты, когда далеко за поселком раздался треск мотоциклов. За дальними амбарами подождал, посмотрел на первые машины, въезжавшие в поселок. И тотчас же побежал к Нефтяному яру. Благо, что местность тут пересеченная, от людского глаза скрыта. Егор бежал не опасаясь, бежал во весь дух. Ему хотелось быстрее предупредить партизан. Ему, конечно, было невдомек, что партизаны уж залегли в засаде, они и без Егора пропустят добычу, но сигнал предупредит их задолго до появления немцев, он даст партизанам возможность лучше подготовиться к встрече с врагом, принять все необходимые меры.

На сосну Егор взлетел так быстро, как не взлетал на нее и в детстве. И запалил сигнал, которым русские воины пользовались еще в те времена, когда только что научились добывать огонь.

Егор поспешил подальше от этого места. Он не пошел в свой поселок, а направился в Болковскую, где есть лавка и где он для отвода глаз купит какую-нибудь безделушку.

Немцы лишь на несколько минут задержались в поселке, подождали отстающих, а затем так же спешно направились дальше. По-видимому, им было дано задание прибыть быстрее к линии фронта и вступить в бой. Егор стал наблюдать за ними. Он взошел на пригорок, прилег у валуна и смотрел в ту сторону, где у самого горизонта синела полоска леса. Там по предположению Егора и находились партизаны. Туда же направлялись немцы.

Колонна машин и мотоциклов, наполняя воздух шумом моторов, поднимая над дорогой пыль, потянулась лесу. Вот постепенно стихает шум, остается лишь один шлейф пыли. Минуты тянутся долго, Егор приподнимается выше на пригорок, всматривается вдаль. И вдруг оттуда, со стороны леса, раздались взрывы — не то лопались гранаты, не то били пушки. Явственно доносилась стрельба — частая, пулеметная. Стрельба возникла тотчас же за разрывами, и потому Егор с радостью думал, что и взрывы, и пулеметная пальба — все это дело рук партизан. Представлял, как заметались немцы, как шарахнулись по сторонам. И вновь позавидовал партизанам, в руках которых боевое оружие. Они бьют врага, приближают час победы.

Егор поднимался выше и выше на холм, но тут услышал оглушительный треск моторов. Глянул назад и увидел четырех мотоциклистов. Они неслись по бездорожью с бешеной скоростью, неслись через пашню, через буераки и балки. Он понял: мотоциклисты оттуда, со стороны леса. Видно они, как и другие немецкие солдаты, не приняли боя с партизанами, в панике рассыпались по полю. Егор не успел спрятаться, его заметили. И тотчас направились к нему. Тогда он, мгновенно сообразив, выдернул подол рубахи, стал рвать траву. За этим невинным делом и застали его немцы:

—Русь! Давай Паюска. Там церковь - давай!..

Егор понял немцев.

—Село Паюсовская?..

—Да, да... — нетерпеливо закивали немцы. — Давай!

Егор показал дорогу, по которой немцы, обогнув Гавриловскую, вновь должны были выехать к лесу и попасть к тем же партизанам.

Довольный и счастливый возвращался Егор Лучкин домой. Впервые за все время войны он почувствовал себя человеком, который наряду со всеми делает для своей страны нужное дело. Он почувствовал себя бойцом.

17

В 1943 году советские войска выбили гитлеровцев с Орловщины. Лучкин сам пришел в военкомат, попросился на фронт.

—Горный мастер? — спросил военный комиссар, перечитывая анкету.— На шахту тебя пошлю, а не фронт. Стране уголь нужен.

—Уголь всегда был нужен, — с разочарованием проговорил, — а только вы меня пошлете на фронт.

Душа у меня изболелась, на самый что ни на есть передний край хочу.

Районный комиссар уважил просьбу горняка.

И вот Егор Лучкин на фронте. Много дней и ночей без отдыха 251-й полк 306-й стрелковой дивизии преследует фашистов, гонит их с земли Брянской. Где примут бой, а где и без боя гитлеровцы улепетывают. Велики потери отступающего врага, но он еще силен. На удобных рубежах нет — нет, да и задержится, даст бой частям Советской Армии. Тогда на земле закипят разрывы снарядов и мин, воздух наполнится скороговоркой пулеметных и автоматных очередей.

Таким удобным рубежом для гитлеровцев была река Десна близ города Кирова. Залезли они в блиндаж и окопы, ошетинились всеми огневыми средствами. А средств этих в то время у врага было еще немало.

Земной человек Егор Лучкин, даже подземельный. И это ему помогает. Бежит по полю, а землю видит. Как только момент приспеет, на землю ложится, для него и ямка готова или складка местности. Лежит себе и в ус не дует.

Его товарищ по боевому строю пензенский хлебороб Андрей Курицын только удивляется:

—Земля тебе будто бы родная, — говорит Курицын, неловко скатываясь с бугра и падая на другую открытую «лысину».

—Она и впрямь мне родимая, — соглашается Егор Лучкин.— Я с ней еще в молодости породнился. Про себя думает: «Здесь хорошо: светло, все видать. И небо над головой, воздух свежий. А вот в шахте...»

—Приготовиться, братцы! — раздается команда взводного. Он привстал на коленке, смотрит в бинокль за Десну. Там враг, оттуда пальба.

—За мной! — поднимается взводный и устремляется вперед. Он бежит, словно мальчишка: невысокий, щуплый, с тонкой и длинной шеей. Взводному двадцать лет, его зовут Евгением, но солдаты называют «товарищ младший лейтенант». К этому долго не мог привыкнуть Егор Лучкин, все хотелось назвать взводного Женей и посоветовать больше отдыхать, лучше кушать. Егор ведь сам в молодости был таким. И думал, не поправится. Ан нет, вошел в силу.

Лучкин и Курицын бегут рядом. Где-то рвутся мины, свистят белые смертоносные «шмели» — Егор и Андрей бегут. С некоторых пор Лучкин перестал бояться снарядов и пуль — не потому, что не страшна смерть, нет, смерть его пугает, но уверился он, что пули и осколки его минуют. Сейчас же Егор бежит быстрее обычного и пригибается ниже, чем в другое время. Очень уж сильна пальба! Густо сыпят фашисты...

Упал младший лейтенант Евгений. Точно споткнулся на бегу, остановился на минуту, повернулся лицом к взводу. Но людей не увидел: лицо его было залито кровью. Как-то неловко и торжественно вытянул в сторону руку, уронил пистолет и сунулся на колени. Потом повалился на бок, замер. «Мой сын Виктор... скоро станет таким же», — подумал Егор. И хотел подбежать к взводному, но вспомнил: сзади идут санитары. Подберут.

Бежали дальше. Теперь впереди взвода, так же согнувшись, как младший лейтенант, но покачиваясь, словно утка, бежал командир второго отделения, того самого, в котором служил Лучкин и Курицын. Отделенный был покрепче взводного и постарше. И фамилию имел солидную: Каржавин. Сержант Каржавин Степан Гаврилович, родом из Сибири. Вчера вечером Егор принес с поля соломы и половину отдал сержанту. Перед сном они сидели на соломе, курили. Сержант сказал:

—Четверо у меня осталось... — Потом добавил печально: — Как-то она там?

—«Она»— это жена. Лучкин понял сержанта, вздохнул с ним вместе и тоже подумал: «Как-то она там...»

У Егора ведь тоже четверо. Сказать, что ли, сержанту о своей тревоге, отвести душу?.. Да нет, не стоит выжимать из сердца тоску.

Сейчас, глядя на бегущего впереди сержанта, Егор подумал: «Вдруг убьют!..» От этой мысли сделалось жарко, Егор побежал быстрее.

Но что это?.. Разрывы прекратились, пулеметы не тукают, — в воздухе не видны ниточки «белых шмелей». Лучкин оглядывается вокруг, распрямляется. Видит каких-то людей в черном. Нет, в зеленом. Они вырастают из земли, словно по какому-то волшебству. Они стоят покорные, виноватые. «Немцы!» — мелькает мысль. «Не те немцы, что хозяйничали на Орловщине. Эти — смирные, ручные».

Егор проносится мимо них метеором. Он бежит, увлекаемый общим порывом. Где-то слева нестройно тянут: «Ура-а-а!..» Впереди серебряной чешуей заблестела вода. И тотчас Лучкин сбавил бег. Он, как спортсмен, коснувшийся ленты финиша, вдруг обмяк, сник — некоторое время еще бежал, но напряжение спало, он скоро остановился! Как раз в тот момент раздалась команда взводного:

— Ложись!.. В землю заройсь!..

Лучкин выхватил из чехла лопату, стал рыть окоп. Вначале рыл машинально, потом вспомнил: «За Десной тоже немцы!..» И взглянул на тот берег реки. Там было тихо и пустынно. «Залезли в блиндажи, — решил Егор. — А почему молчат, не стреляют?..»

Ответа не находил. Он вообще мало понимал в военном деле. Вот если бы что в шахте — там он знает все.

Вырыли окоп, начали рыть траншеи. Вначале Лучкин и Курицын соединили свои окопы, потом прорыли ход в сторону. Трудились, не думая об усталости, о голоде, который, кстати сказать, начинал их донимать. Не заметили, как сгустился вечер. Вначале показалась звездочка на востоке, там, где земля была очищена от врага и где жизнь начиналась заново. Потом из тёмно-синей небесной бездны выплыла целая ниточка звезд, казалось, что это пули взлетели так высоко и замерли в небе. За Десной над грядой холмов догорала заря. Там одиноко и весело тарактел самолет, наверное, У-2, бесстрашный фронтовой труженик. Егор поднялся на бруствер окопа и смотрел в ту часть неба, где летел самолет. Лучкин почему-то был уверен, что это наш, и боялся, как бы вражеские зенитки не ударили по нему и не сбили. Он летел в сторону наших окопов, Лучкин все выше задирает голову; вот уже ночной разведчик или штурмовик летел над Десной, но никто- по нему не стрелял, не направлял на него прожектор. Так он и улетел, смелый воздушный боец. Егор даже помахал ему рукой, и лишь потом вспомнил, что давно ничего не ел и что не

мешало бы по случаю удачной атаки пропустить полстакана водки. О чем тот же час и сообщил Курицыну. Тот равнодушно сказал:

—Едет походная кухня.

—А ты откуда знаешь?

—Отделенный говорил. Не слышал, что ли?

Курицын накрылся шинелью, курил. Закурил и Егор.

Подсел к товарищу, прикрыл папироску пилоткой. Они сидели молча и ждали, когда позовут за кашей. Андрей уткнулся в стенку окопа, а Лучкин, устроившись на краю, смотрел на тот берег Десны. Там еще алела полоска вечерней зари, над самым берегом белел пар от нагретой за день воды. Оттуда едва слышно доносилась песня, кажется, «Катюша» или «Землянка»... Нет, вот теперь она слышится ясней «Катюша», наша, русская... То ли аккордеон, то ли две губные гармошки наигрывают в унисон. Скорее всего, гармошки. Любят немцы играть на губных гармошках. И часто почему-то играют русские песни—про Катюшу или про Байкал, а то вальс «На сопках Маньчжурии». И так у них жалобно получается. Будто нашими песнями они оплакивают своих погибших товарищей. И сейчас немцы играют жалобно, так уж слезливо, что хоть плачь под их музыку.— И зачем они наши песни играют? — недоумевают Егор. Вот хотя бы его взять: никогда бы он не стал петь немецкую песню. Не сродни она ему, чужая. А наши всем по душе приходятся. Видно, есть в них какая-то скрытая для человека сила.

Приехала походная кухня, солдаты поочередно сходили за кашей. И как только Егор опорожнил котелок, его тотчас же потянуло на сон. И он уснул в окопе, не дожидаясь разрешения, не думая о своих дальнейших действиях. Уснул помимо своей воли: сказала смертельная усталость, двухдневный непрерывный поход и бои. Уснул и Курицын. Видно, командиры умышленно не тревожили солдат, давали им передышку, а может, и они не знали, что будут делать дальше, ждали приказаний свыше.

Не знал Егор, сколько он проспал, но когда его разбудили, то ему показалось, что не было позади походов и боев. Смотрел на сержанта Каржавина и не понимал, кто это и что от него хотят,

— Лучкин — в ружье! Курицын!..

«Ага, снова в атаку. Но куда?.. Неужели через воду?..»

Да, впереди он отчетливо видел воду. Это река Десна, он знает это хорошо. Но где переправа? Казалось бы, должны ее привести. Неужели, так... не спросясь броду — в воду.

Мысли сменяли одна другую лениво, тяжело, видно, не выспался Егор или полностью не проснулся.

По траншее идут трое. В шинелях, затянутых ремнями. «Командиры!» — мелькает в голове Лучкина, но по-прежнему лениво и как-то неясно. «Что они от нас хотят?..»

Трое подходят вплотную, один кладет руку на плечо:

—Егор Лучкин? Шахтер?

Лучкин кивает головой: разумеется, шахтер. Кем же еще он может быть?..

—Вам, товарищ Лучкин, и вам, товарищ Курицын — важное боевое задание. Вон видите, за рекой холм?.. Ясно видите?.. Смотрите, не перепутайте. Под этим холмом — блиндаж. Там несколько пулеметных установок. Их надо обезвредить.

«Обезвредить?.. Но как?..» — думает Лучкин. И самое главное: как перебраться через реку? Переправы-то еще нет».

Эти вопросы мелькают в сознании мгновенно, но ни один из них не срывается с языка. Лучкин не хочет, чтобы над ним смеялись. Он же шахтер. Командир явственно спросил: «Шахтер?»

И Лучкин выслушивает приказ до конца. Даже и тогда, когда командир перестал говорить, Лучкин некоторое время хранил молчание, надеясь, что командир скажет еще что-нибудь. И дождался. Командир спросил:

—Плавать умеете?

Конечно, они оба умеют плавать. Как же не уметь плавать? Ведь это так просто.

Командир пожимает солдатам руки, отделенному говорит:

—Вооружите как следует.

Все происходит как во сне. Лучкин подвязывает к ремню две брезентовые сумки, кладет в каждую по две противотанковые гранаты, а сам нет — нет да взглянет на воду. Она плещется совсем рядом — черная, как деготь. Туча закрыло небо, и стало темно. Однако придумал же кто-то послать Егора с Курициным на тот берег! Ладно бы, переправа была или, крайний случай, днем. А то ночью и по воде.

— Гранаты и патроны держите на весу. Гранаты и патроны держите на весу. Как в детстве держали брюки, когда переплывали речку.

Это говорит сержант. Лица его не видно, и как он показывает — тоже не видно, но Егор и без него знает, как надо держать боеприпасы «на весу». Только вот удержит ли, переплывет ли?..

В воду не входят, а вползают. Так велит сержант. Вода булькает под одеждой.

Сержант, наблюдающий за ними с берега, наверное, доволен. Лучкин будто бы и здесь слышит шепот отделенного: «К рассвету должно быть все кончено. Хорошо бы без шума». А как можно «кончить без шума?» Ведь в блиндаже, пожалуй, не один гитлеровец сидит.

Лучкин плохо представляет, как они с Курициным будут действовать. Однако страха Егор не испытывает. И вода не так уж неприятна. Ничего, теплая. И песочек под ногами хороший. Нога ступает, точно по паркету.

«Слава богу, что мелко», — с радостью думает Лучкин, стараясь без шума переступить в воде ногами. Он посматривает на Курицына, старается держаться поближе.

А вот глубина. Егор вытягивает над головой связанные шпагатом боеприпасы, плывет. Плыть пришлось недолго, скоро опять нащупал ногами дно, теперь илистое, противное, но все-таки дно. И стали идти еще тише. Ведь рядом — берег, враг?..

На берег выползли. Тут уж соблюдали особую тишину. Ползли словно ящерицы. И очень быстро взобрались на возвышенность, с которой отчетливо увидели земляную насыпь. «Блиндаж! Тот самый!..»

Егор не знает, сколько они лежали без движения, но ему показалось, что лежат они слишком долго. Ведь скоро рассвет!.. И Лучкин дернул за рукав Курицына: мол, поползли.

Но тут в блиндаже раздались звуки, похоже открывали двери. И тотчас же вышел гитлеровец. Лучкин не видел, что делал фашист, зато стук собственного сердца Егор слышал отчетливо. И еще он видел, как во весь рост поднялся Курицын, кинулся к фашисту. Егор — за ним. И почти вместе они надели на врага, вонзили в него финские ножи. Тот ахнул, застонал, припал на колени. Лучкин и Курицын отпрянули, легли. Они ждали появления других фашистов, но все было тихо. И тогда Лучкин дернул за руку Андрея. И тот понял друга без слов: оба они поползли к двери. Она была приоткрытой, изнутри блиндажа лился слабый свет. Лучкин первым просунул голову в приоткрытую дверь. И к радости своей, увидел спящих солдат. Их было четверо. Они лежали по бокам блиндажа на аккуратных, похожих на настоящие кровати, топчанах. В амбразуры были просунут пулеметы — в стене, обращенной к реке, установлено три пулемета, по одному выведены в боковые амбразуры. Рядом штабеля из ящиков с патронами.

«Вот бы положили они нашего брата!». И в сердце его закипела кровь. Вместе с Курициным стояли в дверях и каждый думал: «Что же делать?.. Бросить пару гранат — живыми не уйти, придется бой принять... И как по команде, вскинули автоматы. Потом догадались, — тоже не

сговариваясь: закрыли за собой дверь и только тогда ударили по врагу из автоматов. И замерли. Ближайший к Егору немец, прошитый очередью, привстал и рухнул с топчана. Остальные не поднялись.

Тишина. Острый запах сгоревшего пороха. В углу бойко светит лампочка. Только теперь Лучкин сообразил, что светит не лампа, а карманный батарейный фонарь. «Пулеметы!» — сказал Егор. И они бросились пулеметам, стали отвинчивать то, что можно было отвинтить. «Нет! — рявкнул опять Андрей Курицын. Оставлять нельзя!.. Нужно гранатой!..» И Егор согласился: конечно, разве можно оставлять нетронутым блиндаж? Враг затащит в него новые пулеметы и начнет палить по нашим.

Они выхватили гранаты. «Нет! — опять заревел Курицын. Сержант приказал без шума!.. Егор спрятал гранату, подбежал к пулеметам, стал вытаскивать их из амбразур. Но тут словно над головой загремело, загрохотало. Ночь озарилась тысячами огней, адским треском начавшегося боя.

Лучкин и Курицын бросились к воде. С того берега навстречу им, размахивая над головой автоматом, бежал по воде сержант Каржавин. И казалось Лучкину, что за сержантом идет наступление весь Брянский фронт.

18

Егор Афанасьевич возвращался на шахту — на свою, родную шахту № 5 имени Владимира Ильича Ленина.

Над Горловкой стояло летнее солнце, оно было немилосердно жарким, может быть, слишком жарким. Лучкин не замечал ни жары, ни слишком яркого света. Он шел на шахту не торопясь, оглядывая долгим внимательным взглядом встречающих людей, иных узнавал, другие были незнакомы, но все ему казались добрыми и хорошими, всем он готов был поклониться.

Радостное волнение Егора увеличивалось по мере того, как он подходил к шахте. Многие надшахтные строения были разрушены, но копер стоял, и звезда на нем неярко горела под лучами солнца. Конечно, не так горела, как в прежние времена, когда шахта выполняла план; тогда заезда пылала на копре — казалось, она летела навстречу облакам или плыла по ночному небу, точно прикреплена была не на копре, а на мачте боевого корабля.

Шкивы не вращались, канаты висели в одном положении, но и они, казалось, замерли лишь на минуту. Вот-вот заработает подъемная машина, и одни из них устремятся вниз, другие — вверх, колеса замашут черными спицами, шахта оживет.

Но не оживала шахта Егора Лучкина. Затоплены водой штреки, квершлагги, обрушены лавы. Сломаны машины, нет компрессоров. Много надо положить труда, чтобы горючий солнечный камень вновь полился рекой в вагоны. Кто-кто, а Егор Лучкин знал, что такое шахта, что такое уголь.

Незадолго перед войной Егор Лучкин без отрыва от работы закончил двухгодичные курсы горных мастеров. Был десятником по вентиляции, ходил с лампой «Вольфа» по штрекам, куткам, уступам, лазил в забоях, измерял газ, а теперь начальник шахты перевел его на должность горного мастера. Кажется, все основные горняцкие профессии освоил, шахту изучил вдоль и поперек. Окидывая взглядом разрушенные строения, поросшие травой территории складов, Егор мысленно старался представить объем работ по восстановлению шахты, определить срок, когда она снова станет выдавать на-гора уголек. Картина получалась невеселая. Шахту скоро не восстановить. А уголь нужен сегодня. Где же его брать?

Пришли на шахту другие горняки — кого из них вызвали, как Егора Лучкина, кто сам пришел на родное предприятие. Ждали приема у начальника шахты.

Здесь было много людей. Вошел в кабинет и Лучкин. И первое, что он услышал, было слово «хвосты». Начальник предлагал развернуть работы по подбору «хвостов», то есть, брать уголь там, где он ближе всего выходит на поверхность.

И началась для Егора Лучкина новая полоса горняцкой жизни: вместе с мастерами, инженерами, забойщиками, лесогонами он стал рыть шурфы глубиной восемьдесят—сто метров. Потом подбирались к пластам, резали ходки, штреки, лавы.

Страна требовала уголь сегодня, и шахтеры давали его.

А тем временем восстанавливалась шахта. И тут работы шли спешным порядком.

19

Вернулся с военной службы Виктор, старший сын Лучкиных, голубоглазый богатырь с нашивками старшины второй статьи. Моряк отдыхал: ходил по поселку, встречал знакомых, ребят, подолгу обсуждал с ним жите - бытие. Устраиваться на работу — «причаливать к пристани» — не торопился. В кармане носил удостоверение об окончании ремесленного училища по классу автослесарей, но это так, между прочим. Еще во флоте сказал себе: со слесарством подожду, что-то не по вкусу мне гаражная жизнь. А теперь, слоняясь по поселку, думал: «Автослесарь, конечно, не капитан дальнего плавания, но все-таки, какая ни на есть — специальность. А там неизвестно еще как сложится». При слове «там» поглядывал на башенный копер «Кочегарки» — знаменитой на всю страну горловской шахты, копер которой виден был почти со всех точек города. Шахта звала, манила. Отец, Егор Афанасьевич, недавно ушедший на пенсию, молча, тревожно поглядывал на сына, курил одну за другой папиросы. Он хоть и не заговаривал с Виктором, но сын знал, какая забота у отца на сердце. Средний сын Михаил заканчивает десятый класс и ждет не дождется, когда его примут в шахту, младший сын Шурик еще молод, но уже теперь видно: будет шахтером, а вот старший...

В те часы, когда Виктор приходил от жены в отчий дом, Егор Афанасьевич украдкой взглядывал на флотскую форму сына. Отец как бы искал ответ на мучивший его вопрос: что отвратило от шахты старшего? Перед службой он, бывало, часто говорил: «Ты, папаны, не беспокойся, я хоть и учусь на слесаря, а работать буду в шахте». Теперь об этом не заикается.

Егору Афанасьевичу не хотелось заговаривать с сыном напрямиком, а дипломат он был плохой.

—Что по городу ходишь, теплое местечко ищешь?

—Угу, отец, ищу.

—Флотскую форму бы снял.

—Эт зачем же? — недоумевал сын.

—Чтобы не было так заметно.

Виктор смеялся. Понимал, к чему клонит отец, но решать свою судьбу не торопился. А однажды сказал родителю:

—Больно ты, отец, шахту выбрал в свое время неказистую.

—Чем же она тебе не потретила? — изумился отец.

—Крутизна пластов почти отвесная, кровля сыплется. Туда и при коммунизме комбайн не затащат.

—Во как! — дивился отец. — И дня в шахте не работал, а уже и крутизну знает, и кровлю.

С торжественной серьезностью добавлял:

—Твой отец легкой жизни не искал.

Виктор не обижался. Могучими руками обнимал за плечи отца, примирительно говорил:

— Не сердись, батя.

Егор Афанасьевич отходил быстро. Они шли с сыном по саду на улицу, молчали. А однажды старый Лучкин не выдержал, заговорил.

— Ты, Витек, насчет крутизны и кровли прав. И как только я на нее набрел, скаженную. Не шахта, а сплошное наказание. Всю жизнь по этой крутизне, как акробат лазил. И сыпало на голову всю жизнь. Бывало, крепишь лаву, крепишь, а она все сыплет. Течет, как из худой посуды.

Сидели под яблоней, друг против друга. Отец растирал в пальцах золотистую яблоневую пыльцу, сын рисовал на земле корабельную мачту.

— Пап, а что, если комбайном его? — неожиданно заговорил Виктор.

— Кого? — не понял отец,

— Уголь!

— Так ведь крутизна, сынок. Опять же кровля...

— А вы пробовали?

— Да как же попробуешь, если и комбайнов таких нет.

Помолчали. Потом Виктор как бы между прочим сказал:

— Слыхал я, будто конструкторы механизацию для крутых пластов придумывают. Значит, и в нашу шахту комбайн придет.

Егор Афанасьевич ликовал. Думает его сын о шахте, думает.

Осторожно заметил:

— Ум человеческий не остановишь, придумают инженеры и для нашей шахты машины.

Про себя старый шахтер сказал: «Слава богу, сердце сына тоже к шахте повернуто. Быть ему горняком».

Егор Лучкин не ошибся, на следующий день Виктор объявил:

— Иду в шахту.

20

В тот день рано встала семья Малёнкиных. Старшая хозяйка была в отъезде, завтрак готовила жена Виктора Нина. Ее отец, Викторов тесть. Василий Сергеевич Малёнкин, работал на шахте имени Ленина горным мастером. Сегодня ему во вторую смену, но и он встал рано. Как и отец Виктора, тесть был рад, что зять идет работать в шахту, а не куда-нибудь. Он бы мог попросить начальника шахты назначить Виктора в его смену, но умышленно этого не сделал. Пусть начинает жизнь без подпорок — так-то будет честнее. Да и характер быстрее приобретет. Егор Лучкин — тот было по заговорил с Малёнкиным о «поддержке на первых порах», но сам же потом себя начал критиковать: «Чтой-то я пекусь о нем, словно о красной девице?.. Чай, он во флоте служил, парень закаленный».

Так и порешили: пусть Виктор один на один встретится с шахтой. Совладеет — шахтером будет, спасует — так тому и быть.

Тесть проводил Виктора до калитки. Положил руку на плечо, тряхнул зятя: «Ну, с богом!»

Нина смотрела в окно, сердцем была с мужем. Как-то сложится его судьба?.. Хоть бы не ударил он в грязь лицом, не уронил честь горняцкой фамилии.

А Виктор шел на работу, точно на очередную морскую вахту. Неведомы были ему тревоги и сомненья. Еще мальчишкой он несколько раз побывал а шахте и хорошо представлял и лаву, и квершлаг, и откаточный штрек, в котором предстояло ему работать. Радовало его и еще одно обстоятельство: начальником его участка работает Николай Панарин, одноклассник Виктора и приятель. Вместе они учились в школе, вместе лазили по соловьиным балкам, что раскинулись в

степи вокруг Горловки. Правда, было немножко обидно сознавать, что Николай теперь важный человек на шахте, а он, Виктор, зеленый новичок. Так сложилась жизнь. Николай сразу после школы пошел в горный техникум, а Виктор кружил возле шахты окольными путями, но ничего: Лучккин наверстает.

В нарядной Панарин объяснял задачу дня, говорил о каком-то завале—требовал от крепильщиков «открыть» штрек как можно быстрее. Виктор не сразу понял, что это задание относится и к нему. Он ведь назначен в звено крепильщиков штрека.

Перед тем как идти на спуск, заметил в толпе шахтеров отца. Подошел к нему, мягко сказал: «Батя, иди домой. Я же не маленький, ну!» И легонько подтолкнул отца к двери. Егор Афанасьевич повиновался, но, прежде чем уйти, подошел-таки к Панарину, о чем-то шепнул ему на ухо. Конечно же, о сыне. Виктор погрозил ему пальцем. Улыбнулся и пошел на спуск.

По откаточному штреку шли скорым шагом. Впереди, освещая путь светильником, шагал Панарин. За ним кто-то из бригадиров, сзади — три крепильщика, рядом с ними Виктор, четвертый крепильщик. Он как следует не знал ребят из своего звена. Тот, что шагал рядом с ним, высокий, сутуловатый, — Василий, впереди него качающейся походкой шагал Петро, третьего, небольшого, широкоплечего, Виктор не знал совсем.

По напряженным лицам, деловому молчанию понимал, что случилось что-то необычное— по крайней мере, такое, которое бывает не каждый день. Но что именно — не знал. Перед спуском кто-то сказал: «Лег штрек».

Лучи светильников уперлись в грудь породы, преградившей путь. Будто тут и конец штрека, тупик. Но тут же Виктор увидел рельсы, воткнувшиеся в землю. «Засыпаны», — мелькнула мысль. Да, конечно, тут произошел обвал. Об этом говорят покореженные деревянные стойки, переломленные верхи яки, ручейки породы, стекающей по бокам и с крыши. Что-то потрескивало над головой, будто сверху напирала на штрек вся масса земной тверди. Панарин, разглядывая кровлю, развел в стороны руки, предупреждая об опасности. И Виктор вдруг испытал чувство страха. Такое чувство нагоняли на него волны во время шторма. На Северном флоте, где он служил на крейсере, случались такие штормы, что корабль раскачивало, как пустой спичечный коробок. Белопенные валы накрывали палубу, обдавая крейсер дождем серебристых капель. В такие минуты в душу вселялся безотчетный страх. «Ну, там понятное дело, — корил себя Виктор, разглядывая вместе с другими нарушенную кровлю. — Но здесь-то чего боюсь?..» Но это были слова для успокоения. Сердцем Виктор понимал, что здесь, в шахте, опаснее, чем в море. Да вдобавок ко всему кто-то из крепильщиков спросил начальника участка: «Неужели на все сорок метров легла?..» Панарин согласно кивнул головой. Да, на все сорок. И как командует на корабле мичман, Панарин коротко и властно сказал:

—Разбирайте!

Два крепильщика взяли лопаты, а тот, что шел качающейся походкой, тронул Виктора за руку, сказал:

—Пойдем.

Они пошли назад по штреку. Невдалеке от завала стояли вагончики с металлическими рамами. Петро взялся за один конец, Виктор за другой.

Так начался для Виктора первый трудовой день в шахте.

Про династию Лучкиных старушка-соседка сказала: «Их много, и все они умные и хорошие». Невольно вспоминались эти бесхитростные, но удивительно точные слова, когда

приходилось бывать в какой-нибудь из семей Лучкиных. Бросалась в глаза дружность всех членов семьи, начиная от самых старых и кончая малыми. Тут не было пререканий, недоумений — все было просто, ясно, младшие слушались старших, старшие стариков. Как бы ни многочисленна была семья, ссор не замечалось. Обид тоже. Какая-то удивительная солидарность, взаимоуважение, взаимопочтение царили тут в отношениях между людьми. А люди тут самые разные — и по возрасту, и по положению. Есть тут и офицеры морского флота, и ракетчики, и врачи, и инженеры. Главные бухгалтеры и плановики тоже есть из Лучкиных. Но большинство все-таки горняков, преимущественно рядовых. Профессия крепильщика, забойщика, подземного механизатора возведена здесь в культ. Быть шахтером почитается за честь. Шахтеру поклонение и в семье.

Может быть, от этой вот суровой профессии и пошел в среде Лучкиных дух товарищеской солидарности и взаимопомощи. Отсюда же человечность и теплота в отношениях. Здесь есть свадьбы и нет разводов, есть душевные беседы и не слышно обидных слов — здесь вас накормят и напоят, вас назовут почтительно по имени-отчеству. Отсюда вы уходите одухотворенный. Вам невольно является мысль: «Как же хорошо быть на земле человеком!»

Лучкины часто собираются в один кружок. Из них нет, пожалуй, ни одного религиозно-верующего, но все старинные русские праздники они чтут и справляют. Только вот разговоры за столом всегда об одном — о делах шахтерских. Старики в деталях вспоминают горняцкую старину, молодежь печется о новом. И тут у них единокорные. Если и вспыхнет спор — не горячий, полюбовный. Молодежь почитает старину, ветераны признают быстрый бег нового времени, вместе с сынами и внуками мечтают о днях, когда все горняцкие профессии превратятся в одну-единственную: машинист-оператор. А время это близится. Идет в шахту комплексная механизация.

— Пап, слышал новость?.. Шагающую крепь скоро спустим в лаву.

— Что там, сынок, за крепь? Не слышал я про такую. Только как же с комбайном-то будет? Откажетесь, что ли, вы от своей мечты?

Да, комбайн на шахте Ленина шел туго. То в одной пробуют лаве, то в другой — не идет. Выдастся кровля покрепче — рубит уголек и комбайн, но пройдет десяток-другой полосок, а там, смотришь, снова кровля «задурила». Присыплет комбайн, словно детскую игрушку, — вытягивай его из лавы. Снова берись за отбойный молоток.

Норовист характер у крутого пласта, нехотя отдает он свои богатства человеку. На пологих пластах—благодать! Из газет, по радио только и слышишь: комбайны, рекорды, комплексные бригады. А тут хоть плачь. Крутизна оглашенная, да кровля худая. Не имей уголек такой ценности — в домны идет! — ушли бы с крутых пластов шахтеры, не стали бы маяться.

Смельчаки говорят: «Где же и попробовать свой характер, как не на крутом пласту». И это верно. Трудности воспитывают волю, рождают гордость за свою профессию. Недаром же горняки с таким достоинством говорят: «Мы — трутовики». Только вот беда: не поддается крутой пласт машине. Словно норовистая лошадь, сбрасывает седока на полдороге.

С Луганщины идут ободряющие вести: Николай Мамай берет крутой пласт комбайном. Слава о луганском горняке идет на всю страну. А как же у нас?... Когда же на нашей шахте утвердится в лавах машина?...

— Как же она шагает, твоя крепь? — спросил отец Виктора.

Они сидели за столом по случаю какого-то праздника; тут была Анна Павловна, мать Виктора, Мария Ильинична, его теща, рядом сидели жена и тринадцатилетний сын Станислав. Братья Александр и Михаил тоже сидели за столом; из старших горняков были Егор Афанасьевич и недавно вышедший на пенсию горный мастер Малёнкин Василий Сергеевич.

Виктор принялся объяснять, какая она, крепь «Днепр-2», как держит кровлю, как шагает по призабойному пространству. Знал о ней понаслышке, сам ее не видел, но мимоходом обронил: «Мне доведется первому с ней познакомиться». Горняки насторожились, особенно Михаил и Александр. Они тоже работают на шахте, но о крепи ничего не слышали.

Егор Афанасьевич выразил сомнение:

—Ты уже в третьей лаве пытаешься комбайн утвердить, да ничего не выходит. С месяц проваландаетесь да снова за молоток.

—Для того и крепь придумана, чтобы комбайн и на наших пластах работал. Она любую кровлю держать будет.

—Так уж и любую?

— Вот посмотрите.

Не без гордости Виктор объявил, что он включен в бригаду механиков, которых посылают на шахту имени Румянцева осваивать шагающую крепь. Затем такую же крепь будут устанавливать и на их шахте № 5.

Ветеранам не терпелось своими глазами посмотреть на чудо-крепь. Молодежь связывала с ней большие надежды.

22

С тех пор как начальник шахты объявил состав бригады механиков для освоения шагающей крепи, Виктор потерял покой. Ждал со дня на день команды отбыть на шахту имени Румянцева. Но команда не поступала. Что-то там на шахте не ладилось, нечего было изучать.

Горняки пятой шахты не сдавались. Шаг за шагом они упорно шли к своей цели, испытывали одну машину за другой: К-19, ККП, ГКД. Проходили долгие трудные годы. Комбайны не «шли». То на том участке заваливало угледобычную машину, то на другом. Досадно и обидно было сознавать, что в шестидесятые годы, когда шахты Донбасса были уже вооружены могучей техникой, оставались еще и такие шахты, где комбайн не «шел». Конечно же, это шахты с крутопадающими пластами да еще вдобавок с трудными горногеологическими условиями. Природа словно разозлилась на шахтеров горловской шахты, поставила их в тяжелейшие условия.

Тут следует оговориться: сами шахтеры не жалуются ни на природу, ни на конструкторов, ни на руководителей шахты, треста, комбината. По крайней мере, мне не привелось слышать ни одного слова жалобы. Наоборот, горняки считают условия нормальными. И если кто ругнется сгоряча, сплевывая угольную пыль и поминая всех святых, другой философски заметит: «Что ж ты хочешь от крутого пласта?»..

В те памятные дни, когда Виктор удостоился чести «первооткрывателя» шагающей крепи, он трудился на 132-м участке. Пласт тут залегает особенно капризный— Дерезовка. Но главный инженер шахты решил именно здесь попробовать комбайн. Виктор помнит, как начальник шахты и главный инженер пришли в нарядную участка, развернули карты, чертежи, схемы. Убеждали горняков, что здесь пойдет новый комбайн УКР-1, должен пойти! Ребята тогда подобрались хорошие. Механиком назначили Евгения Иванова, горного инженера, горловчанина. Помогали ему Евгений Голубицкий, Николай Соколов, Владимир Колесников, Владимир Кубышкин, Александр Каблучкин, Виктор Лучкин. В бригаде так и говорили: «Лучкин - Каблучкин». Ребята все молодые — новое, послевоенное поколение горняков. Впрочем, был среди них Василий Большаков — этот прошел войну, человек бывалый.

Трудно приживался комбайн в лаве. На других шахтах машина резала пласт со скоростью пять метров в минуту, а - тут едва метр проходила. В другой раз ползли со скоростью три метра в

минуту. Кровля сыпалась и обрушивалась. В призабойном пространстве работали с быстротой акробатов. Вблизи комбайна закрепляли каждый пяточок. И все равно кровля «текла».

В иные дни удавалось взять угля больше, чем брали отбойными молотками, но случалось, брали и меньше.

Кровля «бунтовала».

23

В январе вдруг засветило солнце; выкатилось на середину неба и смотрит на степь багровым оком. Тепла от него нет, и снег не искрится под косыми лучами, но на душе весело.

Братья Лучкины — Виктор и Михаил — идут на работу. Сегодня они заступают с обеда. Трудятся на одном участке, Виктор в лаве, Михаил «проходит» штрек. Когда подземные пути-дороги свели братьев вместе, Егор Афанасьевич сказал:

— На Дерезовку, значит. Ну, ну, задайте ему, черту, жару.

Лучкин-старший не раз сходил лицом к лицу с пластом Дерезовкой. Уголек здесь местами выдавался, как железный. Кровля разная: то спокойно ведет себя, а то задурит-забалует. Но по качеству уголек отменный. По первому классу проходит он на металлургических заводах.

Когда сыны возвращались с работы, старик спрашивал:

— Комбайн-то ничего, идет?

— Идет.

— Так, может, шагающая крепь-то и не нужна вам?

Обыкновенно сыны не отвечали на этот вопрос — слишком долго нужно было рассказывать о трудностях, неполадках — о том, как они мучаются с «проклятой» кровлей.

В один из последних дней января Виктор и Михаил шли на работу. На пути их догнал Василий Большаков, хлопнул Виктора по плечу, сказал:

— Завтра на шахту Румянцева идем!

Виктор от радости даже прибавил шаг. Ему не терпелось взглянуть, потрогать эту самую шагающую крепь.

— На Дерезовке пока комбайн идет, — сказал Михаил. — Может, в нашу лаву и не нужна будет автоматическая крепь.

Виктор и Василий осуждающе взглянули на парня: много, мол, ты понимаешь!.. Тебе хорошо в штреке, там и лопатой можно управиться, а залез бы к нам в забой.

Этот день выдался особенно трудным. Комбайн работал хорошо, но кровля сыпала на него породу; то и дело приходилось останавливать машину, расчищать завалы.

Лучкин и Большаков работали рядом. Закрепляли каждый пяточок. Вплотную жались к комбайну. И все-таки кровля сыпала. Сверху текли и текли ручейки земли, прямо у стоек - валялись целые куски. Когда комбайн находился в нижнем уступе, или в «магазине», как говорят шахтеры, на него вдруг обрушилась лавина земли. И он скрылся в породе, словно крот.

Горняки успели укрыться в безопасном месте. Вытирая со лба пот, направляли лучики светильников в призабойное пространство. Сюда же явился начальник шахты. Оценив обстановку, сказал:

— Вытянуть комбайн! Рубить отбойными молотками.

Так Дерезовка еще раз показала свой характер. Для полного укрощения пласта нужна была какая-то другая сила. И вскоре она появилась на шахте.

Какую бы силу ни таила в себе новая техника, но в первые дни освоения к ней всегда относятся с недоверием. Пойдет или не пойдет? Оправдает надежды или принесет разочарование?...

Руководители шахты приняли смелое решение: спустить шагающую крепь «Днепр-2» на пласт Куцый - норовистый, капризный. Горнякам 28-го участка предстояло вписать в историю угольного дела одну из самых блестящих страниц.

В шахтном дворе лежали большие, хорошо упакованные ящики. На боках надпись: «Шагающая крепь Днепр-2». Сложный многотонный механизм. Был составлен график спуска по частям крепи, назначены ответственные. Конечно же, главными людьми на шахте в эти дни были Василий Большаков, Виктор Лучкин, Владимир Пискунов — те, кто три месяца проработал на шахте имени Румянцева, монтировал и налаживал «Днепр-2».

Ответственным за монтаж был назначен горный техник Владимир Егоренко.

Часто в эти дни появлялся на шахтном дворе Егор Афанасьевич Лучкин. Вместе с другими шахтерами он часами топтался возле ящиков, смотрел, как вынимают из них детали крепи, прикидывал, как она будет действовать в забое.

Сын Виктор показывал слесарям, подсобным рабочим, что и как нужно вынимать, что нести в первую очередь, а что во вторую.

Возле Виктора толпились горняки, задавали вопросы:

— Она что ж, без людей будет работать или как?

Виктор объяснял не торопясь, обстоятельно:

— Шагающая крепь в четыре раза сократит количество работающих в лаве. Себестоимость угля снизится в три раза. Это будет первая шагающая крепь на крутопадающих пластах.

Лучкин - старший довольно улыбнулся, ему было лестно слушать объяснения сына, приятно сознавать, что горняцкая судьба старшего сына складывается успешно, — авторитет династии Лучкиных поднимается еще выше.

Потом со двора исчезли ящики. Крепь спустили лаву.

Скоро ее установили. По всему призабойному пространству, сверху донизу, протянулись два ряда металлических стоек: завальный ряд и забойный. Сверху вниз они соединены базовыми трубами. По ширине связаны гидравлическими домкратами. У стоек верхняки - лыжи, они-то и поддерживают кровлю. Как только комбайн выбрал полоску угля, крепь автоматически передвигается ближе к пласту.

День, когда крепь должна была сделать первые шаги, был напряженным и торжественным. На шахте, пожалуй, не было человека, который бы не ждал вестей с двадцать восьмого участка. Начальник шахты и главный инженер находились здесь же, в лаве. На шахту звонили из треста и комбината. Казалось, весь Донбасс затаил дыхание, ожидая первого шага крепи.

И крепь сделала первый шаг. Он оказался твердым, и уверенным. Как только комбайн срезал полоску угля и опустился вниз, машинист крепи Виктор Лучкин повернул рычажок включения, и крепь подвинулась к пласту. Сверху посыпались струйки породы, но верхняки - лыжи тотчас прижали ее, и кровля замерла усмиренная. Комбайну открывался фронт работ.

— Давай, Петя, жми! — кричали из штрека.

Петр Барбашин вел комбайн в очередной «рейс».

В первые же дни был поставлен рекорд добычи: при плане 400 тонн бригада выдала из лавы 700 тонн угля за сутки. Почти железнодорожный эшелон.

Пласт Куцый сдался. Очередь теперь за другими пластами.

Для всех шахт с крутопадающими пластами началась новая эпоха. Безлюдная выемка угля и для «крутовиков» перестала быть несбыточной мечтой.

25

Горячие дни переживала шахта № 5 имени Ленина накануне открытия XXIII съезда КПСС. Донбасс давал в эти дни небывалое количество угля. Каждый горняк — от рядового до начальника шахты — прилагал все усилия, чтобы достойным образом отметить это выдающееся событие в жизни нашей страны.

— А почему бы и нам не потряхнуть стариной! — сказал начальнику шахты Василий Сергеевич Малёнкин. Он председатель постоянного совета микрорайона, известный в Горловке активист. Предложение ветерана труда понравилось начальнику шахты. На память стали перебирать имена пенсионеров, которые могли бы спуститься в лаву. Боялись, как бы кого не забыть, Ведь этак можно и обидеть.

Тут же составили обращение к пенсионерам. «Шахта — на предсъездовской вахте. Призываем вас, ветераны труда, спуститься в лаву и показать пример молодежи...» Малёнкин порывался вставить в обращение фразу: «Есть еще порох в пороховницах!..»,—но начальник шахты Борис Прокофьевич Спасенов решил, что нё стоит заимствовать мудрость у великого писателя.

В понедельник — день, предшествующий открытию съезда, шахта решила выдать на-гора угля в два раза больше, чем она дает в обычное время. Были мобилизованы все силы, приведены в действие все механизмы.

В самом начале новых суток, в два часа ночи в нарядной шахты появились старые горняки — люди, которые знали шахту, как свой отчий дом, выросли на ней и состарились. Их было семнадцать человек: Иван Кулик, Козьма Шалимов, Антон Галушко, Василий Малёнкин, Семен Навошко, Иван Кондратов, Егор Лучкин... О каждом можно рассказать волнующую историю. Они знали шахту, и шахта знала их. Молодыми и здоровыми стояли они в начале века у колыбели шахты. Нячили ее на руках, строили, прихорашивали. После изгнания гитлеровцев из Донбасса первыми пришли на развалины надшахтных построек, положили первым камни в новый фундамент. Сегодня в их глазах — гордость. Три с половиной тысячи тонн дает шахта в сутки. Это хорошо. Они довольны. Отбойный молоток уступает место комбайну. На шахте работает шагающая крепь. О чем-о чем, а об этом они и не мечтали. Широко шагает новое поколение. Боевой дух отцов они умножили на знание. Получилась сила необыкновенная. Ветераны довольны. Они смотрят на молодых горняков с любовью и надеждой. А молодые горняки, увидев в нарядной стариков, почтительно останавливаются, приветствуют. Иные побойчее скажут: «Соревноваться будем?» Кто-то из пенсионеров ответит: «Где уж нам!..»

Спецовки принесли чистые — каждого одели, как приезжего начальника. Собрались на наряд. Задание давал сам начальник шахты. Он же напомнил правила безопасности. И хотя каждый знал эти правила, может быть, лучше, чем сам начальник шахты, но слушали Спасенова внимательно, с преувеличенной серьезностью.

Прикрепили к каскам светильники, приладили самоспасатели, взяли отбойные молотки. Спустились в шахту.

По штреку шли парами. Молчали. Сзади всех шагали Егор Лучкин и Иван Кондратов. Обоим за шестьдесят. Они были друзьями еще в молодости и через все годы бережно пронесли свою дружбу.

—В двадцать четвертом году мы гоняли тут лес,— сказал Кондратов.
—Ну, не тут, положим, а в той стороне, западной, — махнул рукой Лучкин.
—Знамо дело, не тут, а пласт тот же — «Золотарка».

Лучкин согласно кивал головой.

Пласт называют потому так, что уголь а нем очень хороший, «золотой», как говорят шахтеры. Дошли до резервной лавы. Кондратов взял Лучкина за локоть, сказал:

—Ты, Егор, останься тут, в штреке. Руку не надрывай — разболится.

Другие тоже не пустили Лучкина в лаву. Рука у него, действительно, была нездорова.

Невесело улыбаясь, Егор Афанасьевич сказал:

—В молодости в лаву не вдруг пустили, и теперь...

Остался в штреке на насыпке. Осмотрел вагоны, повертел в руках лопату. А когда из лавы пошел уголек, плюнул в ладони, стал насыпать...

Раза два к резервной лаве подходил начальник шахты. Смотрел, как работают ветераны, покачивал головой.

—Чего, Борис Прокофьевич, аль не так что? — спрашивал его Лучкин.

Спасенов обнимал старика за плечи, взволнованно говорил:

—Люди у нас, Егор Афанасьевич, люди...

И шел дальше по штреку.

Утром по шахте разнеслась весть: ветераны труда дали два плана. И прежде чем старые горняки вернулись домой, эта весть разнеслась по всей Горловке.

26

Егора Афанасьевича Лучкина пригласили в шахтный комитет профсоюза. Анна Павловна, приготавливая мужу завтрак, недоумевала:

—Зачем ты им понадобился? Может, опять в шахту, а?

Нет, в шахте уж не бывать Егору Лучкину, отработал он свой век. Скоро ему будет шестьдесят пять. Почти десять лет как он на пенсии. Правда, он и после выхода на пенсию трудился в шахте еще пять лет. Хоть и неплохо себя чувствует Егор Афанасьевич, но работать уже не может. Пусть теперь сыновья и внуки работают, а их, Лучкиных, на шахте немало.

«Однако зачем я им понадобился?» — спрашивал себя Егор, выходя из дома и направляясь в шахтоуправление.

В шахткоме Лучкина встретил председатель комитета Григорий Григорьевич Цивковский. Разговор повел отвлеченный — о том, о сем. Потом в шахтком пришел парторг шахты Вячеслав Михайлович Садовников.

Оба они сказали Лучкину:

—Думаем торжество устроить, отметить вас, Лучкиных,

—Как? — не понял старый горняк. — За что?..

—За полмиллиона тонн угля, добытого династией Лучкиных, — сказал парторг, И спросил горняка: — Знаете ли вы, Егор Афанасьевич, что такое полмиллиона тонн?.. А вот давайте посчитаем.

Парторг взял лист бумаги, стал считать: полмиллиона тонн — это примерно пятьсот эшелонов. Такой крупный индустриальный район страны, как Донбасс, может на этом угле неделю работать. — Неделю на угле Лучинных. Ведь это здорово, Егор Афанасьевич? А?..

— Конечно, здорово. Егор Лучкин знает, что такое Донбасс. Только вот никак он не думал, что Лучкины нарубили так много угля. Правда, Лучкиных много, их главным прародителем теперь, пожалуй, следует считать Ивана Грязнова—того самого Ивана Степановича, который еще в двадцатых годах обучал Егора искусству рубать уголек. От него, от его дочери Прасковьи и Егорова брата Ивана пошли сыновья, ветвь династии. Брат Иван погиб в 1956 году. Случайной и нелепой была его смерть. Был он, как Егор, горным мастером. Вышел однажды на квершлаг. Шел по рельсам мимо вентилятора, шумно было. А в тот момент вверху упустили вагон. Ну и... страшно вспомнить!..

Теперь на шахте трудятся сыны Ивана: Анатолий, Леонид, Юрий — работают в очистном забое.

Иван Грязнов отдал подземному труду пятьдесят три года.

От Егора пошла другая ветвь. Сын Виктор — машинист шагающей крепи. Виктору выпала счастливая доля, он осуществляет мечту горняков: безлюдную выемку угля.

Сын Михаил—проходчик. Тоже новатор, внедряет методы скоростной проходки.

Александр — лесогон, гоняет лес в лаву...

Работает в шахте много и других Лучкиных.

Лучкины много нарубили уголька. Но ведь и другие рубают! Егор Афанасьевич не знал, что ответить парторгу и председателю шахткома, Подумав, спросил:

—Что от меня требуется?

—Одеть праздничный костюм и прийти на вечер.

—Можно, — сказал Лучкин и хотел добавить: «Это нетрудно», но сдержался, посчитал неуместным говорить много по поводу такого события.

В тот же день все Лучкины и те, кто носит другую амилию, но тоже имеет родство с шахтерской династией, получили приглашающие билеты.

В жизни Егора Лучкина много было событий: были радостные и печальные. Больше было хорошего. И уж, конечно, чествование династии Лучкиных можно отнести к самым счастливым событиям. И все-таки ни одно только чувство радости испытывает Егор Афанасьевич, оглядывая людей, собравшихся в шахтном Доме культуры. Вот ведь родная для него шахта, а многих людей не знает. Не знает даже всех Лучкиных, сидящих за столом в президиуме.

Перед мысленным взором потянулась череда людей, с которыми начинал жизнь Егор Лучкин. Вернулся в свою Одессу и там, по слухам, умер Меченый; нет Ивана Степановича Грязнова, брата Ивана... Многие не дошли до его, Егорова праздника.

На трибуне — начальник шахты Борис Прокофьевич Спасенов. Он говорит о героях, новаторах....

«Был ли я героем?.. — спрашивает себя Лучкин. — А Иван Степанович?..» В залах Дома культуры вывешено много фотографий, отображающих жизнь и труд династии Лучкиных. Там есть медали, грамоты... Но Егор Афанасьевич считает, что героем он никогда не был. И ничего необычного не сделал. Вот Иван Степанович — тот да!... Впрочем, и Грязнов, сколько его помнит Егор Афанасьевич, ничего героического не совершал. А вот чествуют. Говорят, хлопают в ладоши. Сотни людей собрались в зале. На лицах улыбки, в глазах радость.

—Егор Афанасьевич! Скажите слово!..

Лучкин вздрогнул от неожиданности. «Как, он тоже должен говорить?..»

Народ аплодирует. В задних рядах люди встали. Все ждут его слова.

—Братцы!.. Ребята!.. Что же вам скажу я?.. Уголек рубал—так его все рубают. И вы, как говорила моя мать, в часмолодь... выдаете на — гора. А уголек, он что ж, он благодарный. Если вы к нему с сердцем,то и он вам... От него тепло людям и свет. Его ныне, света-то, вон сколь

разлилось!.. Спасибо вам, братцы. И от нас, стариков, и от тех, кто не дожил... Они нынче будто бы тоже с нами.

Егор не мог больше говорить. Слезы застилали глаза. Слишком многое ему вспомнилось; не мог он уместить нахлынувшие чувства в обыкновенных человеческих словах.